

К-789-уп

Крашевский, И

Чьяна

75581

V.N. Karazin Kharkiv National University

00620530

6

214
228

[illegible]

483

К-789-У.п.

20

У Л Я Н А.

ПОВѢСТЬ.

ПРОБЛЕМО

СОЧИНЕНИЕ

Г. Крашеского.

424.12.12

ПРОБЛЕМО
ДНБ 1945

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1858.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНО-
БИБЛИОТЕКА С.-П.Д.
Д.В. № 1581

Проверено
ДНБ 1939

221.105
X-100

Изъ журнала «Библіотека для Чтенія» № 10-й 1858 г.

221.105
X-100

221.105
X-100

I.

Если есть сторона тихая и покойная, такъ ужъ это—конечно наше Полъсье. Коли черезъ которую нибудь деревню не проходить почтовая дорога или торговый трактъ, такъ кромъ обыкновеннаго деревенскаго шума, составляющаго какъ бы ея отголосокъ, ничего неслышно посторонняго, ничего не видно чужаго. Въ кафтаны одинаково сырѣ, въ платки одинаково бѣлы, и сосны одинаково зелены, и избы одинаково низки и неуклюжи, и одинъ и тотъ же черный дымъ подымается надъ ними. Одна-кожь, какъ двухъ одинаковыхъ листьевъ на стеблѣ, такъ двухъ одинаковыхъ деревенокъ не найдешь въ Полъсьѣ; тамъ церковь повыше съ темными галлерями вокругъ; тамъ лѣсъ гуще, тамъ избы больше: всѣ онѣ схожи, словно сестры родныя, а совершенно одинаковыхъ нѣтъ, какъ нѣтъ одинаковыхъ двухъ лицъ человѣческихъ.

Взгляните сюда, надъ этимъ озеркомъ, что тихо и спокойно легло у подошвы холма, занятаго господскимъ дворомъ: это одна изъ красивѣйшихъ деревенокъ волинскаго Полъсья, ее окружающаго. Когда спустишься съ пригорка, по которому вьется дорога, видишь передъ собою деревню, разсыпанную надъ берегомъ озера; за ней бѣлится господскій дворъ, а здѣсь старая трехкупольная церковь, стоя на пригоркѣ, поглядываетъ на окрестности. Дорога идетъ отлогостью до корчмы, которою начинается деревня. Кругомъ въ отдаленіи сосновый лѣсъ, болѣе или менѣе вырубленный, ниже или выше, непремѣнная принадлежность каждаго вида въ Полъсьѣ; песокъ, кочковатое болото, по которому сочится рѣченка, поросшая тростникомъ, и надъ этимъ пасмурное небо.

По деревнѣ тянется грязная улица, кое-гдѣ перерѣзанная тропой отъ избы до гумна, устланной кострикой или стружками и щепами. Улицу окружаютъ поочередно избы, хлѣвы, гумна, цѣлыя и развалившіяся, покачнувшіяся, по угламъ подпертыя, съ погнувшимися столбами, съ провалившимися крышами, или только-что начинающіяся строиться; между ними остатки тына и старой изгороди изъ кольевъ да хворосту. Здѣсь и тамъ, изъ-за забора нагнулась на улицу блѣдная рябина, выглядываетъ

старая груша или качается тихонько надъ головой прохожаго длинная бадья отъ колодца. Передъ низкими избами, неплотно покрытыми черными отъ дыму драницами, едва прикрѣпленными къ бревнамъ, видишь только подъ выдавшеюся застрѣхою кое-какую заваленку, состоящую часто изъ колоды, положенной у стѣны, низенькія двери со двора, понижающіяся еще высокимъ порогомъ, недопускающимъ близъ стоящей лужѣ влиться въ свни, маленькія окошки, съ круглыми, похожими на бутылочное дно, стеклами. Рѣдко стекла эти замѣняются другими, болѣе тонкими и бѣлыми. Надъ закоптелюю, высокою крышею, торчитъ деревянный дымникъ, черный отъ дыму, въ родъ трубы или четырехграннаго столба. Зимой, а часто и въ другую пору года, дымника этого недостаточно, чтобы вынестись дымъ, собравшійся подъ крышей избы; онъ лезетъ во все щели, окна, двери, сквозь стѣны и крышу такъ, что кажется, будто изба горитъ внутри и вотъ-вотъ покажется полымя. Въ такой-то атмосферѣ смоляныхъ и удушливыхъ испареній и чаду проводитъ всю свою жизнь житель Польска.

Внутренность избы доказываетъ ту же бѣдность или безпечность; свни, обыкновенно грязныя, по которымъ гуляютъ свиньи, завалены граблями, наготовленными къ зимѣ лучинами, ольховыми дровами, лѣстницами и обломками испорченныхъ сохъ и боронъ; изъ свней входъ въ единственную комнату съ печкой и лавками вокругъ, темную, маленькую, дымную, безъ пола. По срединѣ столъ, квашня, въ углу избы на лавкѣ подъ святымъ образомъ, порой еще дѣтская колыбелька и ткацкій станокъ. Словомъ это — положеніе еще полудикаго человечества, педумающаго ни о чемъ, кромѣ удовлетворенія своихъ первыхъ животныхъ нуждъ. Дѣтскія мельницы во рвахъ и у избъ, садики, въ которыхъ золотится ноготокъ, цвѣтеть подчасъ мальва и яснеетъ красный макъ, доказываютъ, что и здѣсь маленькимъ дѣтямъ позволено порой позабавиться. Скоро, однакожъ, и дѣти, начиная пастушествомъ и нянченіемъ младшаго поколѣнія, переходятъ къ жизни труда, кидаютъ навсегда свои игрушки, и дѣвушка, выйдя замужъ, не думаетъ уже ни сажать цвѣтовъ, ни рядиться въ цвѣты.

О! какъ далеко легче, свободнѣе надъ озеркомъ, чѣмъ въ этой избѣ, печальной и грязной. На горѣ стоитъ домъ владѣльца, окруженный тополями, отражающимися въ водѣ, обставленный житницами, гумнами, скирдами и стогами сѣна. Среди деревьевъ видны тамъ и голубятникъ и бадья колодезя, и сзади на пригоркѣ недѣйствующая вѣтреная мельница.

Дальше, на другомъ возвышенномъ берегу озера, церковь, черная, маленькая, старая; подлѣ нея и колокольня: церковь молчаливая, которая живетъ еще, когда пѣніемъ оглашаются ея стѣны, ударятъ въ колокола и она наполнится народомъ. Отъ во-

скрещенія до воскресенія молчаливая, глухая, смотритъ она на деревенку, словно старушка на дѣтей, копающихся въ песокъ. Вдали, на желтомъ полѣ, посреди крестьянскихъ выгоновъ, есть деревенское кладбище, изрытое могилами, надъ которыми стоятъ черные кресты, по-два, по-три, отъ мелкихъ, на которые того и гляди ногой ступишь, до высокихъ, какъ сосны, простые и выкрашенные, съ изображеніемъ Христовыхъ страданій и безъ оныхъ. Выше всѣхъ поднялся крестъ Семена Бортника, покрытый зеленой крышей; сынъ ему поставилъ его; получилъ онъ послѣ отца сто бортей, такъ было изъ чего!

Вопросъ, какъ живутъ люди, которые наполняютъ эти избы, молятся въ этой церкви лежать на этомъ кладбищѣ? Жизнь эта печальна и однакожъ привычка облегчаетъ ее, родилъ бы Богъ хлѣбъ, лишь бы слишкомъ изобильный ловъ рыбы не напугалъ ихъ голодомъ, ибо вѣрятъ они въ поговорку: когда рыба ловится, жито не родится. Легко объяснить это повѣрье: рыба ловится лучше всего, когда много воды, а низкому мѣстоположенію Польска разливы угрожаютъ неурожаемъ. Мы забыли еще объ одномъ, важнѣйшемъ въ деревнѣ, зданіи, котораго нельзя миновать при описаніи. Мы видѣли господскій домъ, который для крестьянина представляетъ власть и верховность, видѣли церковь, сокровищницу небесныхъ надеждъ будущей жизни; остается корчма, мѣсто ежедневнаго утѣшенія. На всѣ эти три, окружающіе мужичка алтаря долженъ онъ принести жертву: долженъ онъ отработать, отплатить барину за попеченіе, арендатору, за утѣшеніе ксензу, за надежды — всѣ трое живутъ имъ, да и онъ безъ нихъ жить не могъ бы. Покажите мнѣ деревню безъ господскаго дома, церкви и корчмы?—будетъ это развѣ какая нибудь сирота, имѣющая гдѣ нибудь неподалеку опекуновъ. Еще обойдется легко безъ господскаго дома, кое-гдѣ безъ церкви, (потому что есть мѣста, гдѣ за милію ходятъ молиться и хоронить умершихъ); но гдѣ же найдется деревня безъ корчмы? Была бы эта тварь безъ сердца. Корчма — мѣсто сходки, совѣта и веселья; въ ней все завязывается и развязывается; въ ней открываетъ одинъ другому свое горе, въ ней спорять и дерутся, и сеорятся, и мирятся, и любятъ! Корчма — сердце деревни, какъ церковь — ея голова, а господскій дворъ — желудокъ; руки и ноги этого тѣла — избы мужичковъ. Въ этомъ длинномъ, покачавшемся зданіи, въ которомъ живутъ вмѣстѣ жидъ съ семействомъ, рогатый скотъ, козы, гуси и куры, черезъ стѣну отъ него и иногда даже и въ одной комнатѣ, главное мѣсто сходки и совѣщаній, нынѣшнее *городище* мужичковъ. Надъ ея крышей высится аристократическая, бѣлая труба, окна похожи на мужицкія, но значительно больше; у оконъ ставни, у двери порою желѣзныя пробой, если не первобытныя, деревянные засовы.

Въ первой избѣ, кромѣ жидовской кровати, (которая, должна быть въ каждой избѣ), есть стойка, шкафъ съ намалеванными на немъ квартами и вѣтромъ изъ кренделей, печь съ лежанкой и широкой каминъ, который и лѣтомъ долженъ топиться для жителя Полься, ведро воды, безплатнаго напѣтка для безденежныхъ путниковъ, нѣсколько жиденятъ, много грязи и смраду.

Въ другой избѣ, можетъ быть, убитая коза, баранъ или теленокъ, полный уголь картофеля, десять заповѣдей въ углу, опять нѣсколько кроватей съ высокими постелями, лавка, столѣ. Здѣсь еще большая людность, еще удивительнѣйшія (если возможно) испаренія. Такова корчма Полься—сердце деревни.

Здѣсь-то увидишь старцевъ, притащившихся, чтобы залить въ головѣ остатокъ ума и памяти; женщинъ, оборванныхъ и грязныхъ, принесшихъ крупу, яйца, куръ, часто послѣднее бердо со станка за кварту водки, дѣвчонокъ, вышивающихъ десятками глотковъ рюмку, пззябшихъ мальчугановъ, прислуживающихъ арендаторамъ за каплю этого очаровательнаго напѣтка. О! сколько жъ тутъ сценъ, которыхъ половина людей не видитъ, такъ онъ низки, другая половина не считаетъ достойными ближайшаго разсмотрѣнія и вниманія. Сколько занимательныхъ разговоровъ слышать эти грязныя стѣны, сколько сноровъ и произшествій! И никто ихъ не видитъ, никто ихъ не слышитъ, а вѣдь и они люди. Здѣсь открывается, можетъ быть, яснѣе ничѣмъ нескованная природа человека, человекъ въ наготѣ, какъ вышелъ онъ изъ рукъ Божіихъ.

Но пора заглянуть въ господскій домъ и выйти изъ корчмы. Владѣлецъ этой деревни, одинъ-оденешенокъ, неженатый, недавно воротился изъ города, еще молодой, съ пылкой головой, съ пламеннымъ сердцемъ. Тадеушъ Мрозочинскій, не окончившій курса наукъ при жизни родителей, почтенной шляхты, сирота, довершилъ свое образованіе, школьное и университетское, самъ въ городѣ. Къ счастью или несчастью его, онъ попалъ въ общество молодежи, не совершенно испорченной, но сумасшедшей; изъ этого сообщества, изъ любимыхъ книгъ, вынесъ онъ помѣшательство поэтическое и какое-то убѣжденіе, что для того, чтобъ быть великимъ человекомъ, довольно быть великимъ чудакомъ. И за то, какія чудеса выдѣлывалъ онъ въ городѣ, что позволялъ себѣ, описать, рассказать трудно. Не признавая обязательными никакихъ принятыхъ правилъ общественной жизни, не обращая никакого вниманія на людскія мнѣнія, онъ дѣлалъ только то, что ему нравилось: часто поступаая благородно, и еще чаще только очертя голову. Это былъ молодой человекъ неразсудительный, не чувствующій потребности воздержанія, впечатлительный, борющійся съ сопротивляющимся ему свѣтомъ, не останавливаемый ни прештствіями, ни собственнымъ

смѣшнымъ положеніемъ, — ни чѣмъ. Раздражало его все, но ничто не удерживало.

Наконецъ, Тадеуша постигнулъ одинъ случай, изъ котораго онъ вышелъ безчестно обманутымъ, по простотѣ своей, благородству и добровольной слѣпотѣ. Едва-едва спасенный отъ несчастія, онъ возненавидѣлъ свѣтъ, сталъ мечтать о пустынноической, уединенной жизни и уѣхалъ въ деревню на свое озеро и здѣсь положилъ себѣ только читать, думать, и такъ провести цѣлую жизнь. Легко было предвидѣть, что это внезапное, пылкое и необдуманное рѣшеніе могла возмутить одна минута, а годъ долженъ былъ измѣнить его своею тяжестью, но ему казалось, что онъ выдержитъ эту жизнь, что сроднится съ нею навсегда. Удивительно, какъ человекъ во всемъ, что дѣлаетъ на перекуръ своей природѣ, хочетъ создать себѣ вѣчность; не будучи въ состояніи поручиться за завтрашній день, клянется до смерти и, сто разъ обманувшись, въ сто первый разъ начинается горькій опытъ необдуманныхъ обязательствъ на вѣки! Тадеушъ тышился мыслію объ этой пустынноической жизни, сказалъ себѣ, что у него нѣтъ друзей, нѣтъ родныхъ, нѣтъ ни какихъ связей на свѣтѣ, что онъ одинъ, взялъ себѣ на плеча свою судьбу, пересоздавалъ ее и не хотѣлъ уже знать и видѣть никого; и надъ своимъ озеромъ, среди неприступныхъ болотъ и лѣсовъ, съ ружьемъ, собакой и книжкой, думалъ провести цѣлый свой вѣкъ. Домъ, какъ получилъ онъ отъ родителей, такъ свято и сохранилъ его, ничего въ немъ не тронувъ, ничего не передѣлавъ, и хотя видѣлъ лучшіе, хотя могъ имѣть болѣе удобный, цѣнилъ онъ въ немъ послѣднее, живое воспоминаніе о тѣхъ, которые любили его истинно и которыхъ уже не было на свѣтѣ. Онъ выбралъ себѣ только одну угловую комнату, посѣщая другія гостемъ.

Видъ опустѣлаго жилища, изъ котораго, кажется, только вчера исчезла жизнь, и обитатели словно вышли на дальнюю прогулку, былъ печаленъ, но весьма трогателенъ. Въ комнатѣ матери, на каминѣ шли ежедневно заводимые часы, шли старыя канарейки, лежалъ nedовязанный чулокъ, подушка подъ-ноги, книжка открытая на богослуженіи лоретанской Божіей матери, заложенномъ ленточкой. Даже кровать, подъ краснымъ, парчевымъ пологомъ, стояла постланною, и ключи отъ комода и конторки висѣли на гвоздикѣ, вбитомъ за четверть столѣтія.

Въ комнатѣ отца тотъ же порядокъ: — ружья на крючкѣ, мѣшки и трубы, календарь на шнуркѣ, высохшая чернильница на столикѣ, на которомъ лежали карманные часы съ гербовой печаткой, зеленый кошелекъ для денегъ и табакерка изъ раковины. Ольховыя полки недогорѣлыя въ каминѣ и запасъ ихъ въ ящикѣ.

На полочкѣ свѣча, спички и наръзанныя бумажки для закуриванія трубокъ. Далѣе шкафъ съ платьемъ, кровать съ обра-

зомъ Богоматери Ченстоховской; въ головахъ Срѣтенская свѣча, которую сжегъ уже тотъ, кто спалъ здѣсь. И все было словно вчера оставлено, только что покинуто. Каждую минуту можно было ожидать, что услышишь голосъ умершихъ, увидишь ихъ входящими; они жили еще тутъ въ почести, какую отдавалъ имъ сынъ. Не каждый бы могъ одинъ, въ присутствіи такого раздрающаго душу, такого трогательнаго воспоминанія о умершихъ, выжить и глядѣть на все безъ страха или непонятнаго безпокойства; у Тадеуша достало на это силы, и любо ему было вечеромъ наполнять тѣнями родителей эти пустыя комнаты, въ которыхъ распѣвали только материнскія канарейки и старыя часы, казалось, шептали постоянно: *вѣчный покой*.

Онъ ничего не тронулъ съ мѣста, ничего не позволилъ переставить; уважалъ даже угли въ каминѣ отца, и пепель изъ послѣдней выбитой имъ трубки и пробную пшеницу, разсыпанную на окнѣ, которую могли ѣсть только мыши.

Такая уединенная, пустынночическая жизнь пана Тадеуша тянулась кажется уже мѣсяцъ или два и то много, очень много! Книжки, охота, прогулка, размышленія, занимали все время; онъ чувствовалъ себя покойнѣе, если не счастливѣе и хоть порой и зѣвалъ, хоть каждый день снился ему шумный городъ, и стукъ экипажей, и звуки музыки, и говоръ людей, но когда просыпался онъ при шумѣ озера, или отголоскѣ церковнаго звона, то чувствовалъ, что ему здѣсь лучше и какъ бы испытывалъ сладкое упоеніе свершеннаго мщенія, говоря:

— Обойдусь безъ свѣта и людей.

Одинъ только слуга довольно неловкій, зато молчаливый, — составлялъ всю дворню. Управляющій, поваръ, ключница, рѣдко ему показывались; онъ отдавалъ приказанія, смотрѣлъ, исполняются ли они и затѣмъ обращался къ нимъ только въ крайней необходимости. Часто только Якобъ, слуга, отдавалъ приказанія, за то Якобъ былъ важной фигурой во дворѣ, потому что одинъ онъ имѣлъ доступъ къ барину: онъ былъ какъ будто первый министръ.

Въ комнатѣ Тадеуша была жесткая кровать, столикъ съ книгами, на стѣнѣ оружія и ягдташи, собака, гремящая передъ всегда горящимъ каминомъ, шкафикъ, запертый у двери: вотъ вся мебель его. Нарядъ его состоялъ изъ тѣхъ фантастическихъ частей одежды, которыя идутъ на переборъ модъ и уставовъ ея неслушаютъ: сѣрой куртки, черной шмарки, зеленой лисьей шубки, шапки бараньей, соломенной шляпы и твердыхъ лосинныхъ перчатокъ.

Недавно первый щеголь въ городъ, въ деревнѣ выбралъ тотъ родъ обыкновеннаго наряда, который неотличалъ его отъ другихъ.

Совершенный пустынникъ, отрекшійся отъ свѣта, не посѣщая

даже ближайшаго городка, онъ хотѣлъ жить только для себя, не обращая вниманія ни на что и ни на кого, и цѣлымъ днемъ распоряжался, какъ хотѣлъ, какъ задумалъ. Дѣлъ у него не было ни какихъ, ни что ему не мѣшало, и радовался онъ своей свободѣ, ставя ее выше жизни городской и мысленно давая общаніе никогда уже, никогда къ ней не возвращаться.

— Развѣ не довольно еще знаю я людей? — говорилъ онъ самому себѣ—Неужто опять долженъ я страданіемъ купить новый опытъ? Къ чему! Развѣ мнѣ не довольно? Сколько людей не имѣютъ этой свободы, такого уголка, такой жизни, какъ моя, моей независимости? Сколько людей могло бы позавидовать мнѣ? На что мнѣ свѣтъ, когда довольно Якоба, собаки, ружья и нѣсколькихъ любимыхъ книжекъ; когда у меня есть лѣсъ, вода, земля, мой воздухъ, кусочекъ моего неба; когда ничего и ни у кого не прошу, нѣтъ у меня надобдаль, и такъ мнѣ хорошо, такъ покойно одному! Такимъ образомъ можно довести до берега жизненную лодку, не ища широкаго моря и бури.

Говоря это, Тадеушъ все-таки вздыхалъ словно жалѣлъ, что не задалось ему прошедшее, словно добивался чего-то больше отъ жизни, словно создавалъ себѣ надежды, въ которыхъ нехотѣлъ сознаться самому себѣ.

Самое сожалѣніе о прошломъ, самое воспоминаніе о немъ рисовало положеніе его души еще неубаюканной, неспокойной, ожидающей награды за испытанное страданіе, такъ какъ обыкновенно человѣкъ требуетъ отъ судьбы улаты. Въ насъ есть предчувствіе счастья; израненное сердце чувствуетъ, что ему слѣдуетъ что то за его язвы, и слѣпо отыскиваетъ награды на мѣстѣ битвы.

II.

Очень рано послѣ вчерашней охоты проснулся панъ Тадеушъ, но отъ девятаго часа вечера до третьяго утромъ отдохнулъ довольно; уже близокъ былъ день и въ окно слышалось щебетаніе птичекъ у дома въ смородинѣ и орѣшникѣ. Еще скрипѣла колодезная бадья, которая и разбудила Тадеуша. Онъ вскочилъ съ кровати, протеръ глаза и, поправивъ огонь въ каминѣ, присѣлъ за чай, уже приготовленный Якобомъ, собираясь отправиться опять съ ружьемъ, какъ обыкновенно, одинъ. Задумавшись, размышляя, ходилъ онъ по своей комнатѣ; такъ всегда съ утра, пока не проникался своею новою жизнью, вставалъ онъ всегда, свѣжоупоенный мечтами о прошломъ, которое снилось ему всю ночь и которое долженъ онъ былъ потомъ отгонять, какъ надоедливую муху. О! прошлое оборванное, недоконченное, камнемъ давить сердце.

Кончивъ чай, онъ надѣлъ поспѣшно свой охотничій нарядъ и,

не дожидаясь солнечнаго восхода и тепла, выбѣжалъ къ озеру по тропинкѣ, ведущей въ лѣсъ.

Быль прекрасный, чудный весенній утренникъ, прекрасный какъ дитя румяное, пробуждающееся въ колыбелькѣ съ улыбкой, орошенный жемчужною росой, благоуханный и спокойный! Надъ озеромъ колыбался, поднимаясь, легкій туманъ, пахло черемухой, заливались соловьи, и на востокъ алѣло небо, тамъ, гдѣ черезъ минуту должно было народиться солнце. Передъ нимъ вилась песчаная дорожка, ведущая черезъ поля въ лѣсъ. Позади его остался господскій домъ, озеро, деревня; передъ нимъ развертывался черный, шумящій сосновый боръ. Тадеушъ задумался и опустилъ голову, и шелъ онъ такимъ образомъ долго, какъ вдругъ вѣрная собака его залаяла и кто-то крикнулъ въ испугъ.

Тадеушъ оглядѣлся и увидѣлъ простую бабу изъ своей деревни, босую, въ сырой свиткѣ, въ бѣломъ платочкѣ на головѣ, пробирающуюся, вѣроятно, въ лѣсъ за весенними грибами, потому что за плечами висѣлъ у ней на красномъ кушакѣ кузовокъ. Взглянулъ онъ и невольно остановилъ на ней глаза: было что-то до того обворожительное въ ея лицѣ, въ ея фигурѣ, даже въ ея простыхъ, но ловкихъ движеніяхъ, что онъ не могъ понять, какимъ образомъ такая красивая женщина могла быть простой деревенской бабой. Глядѣлъ онъ, глядѣлъ, думая, что это развѣ кто нибудь переодѣтый. Лицо такъ было, ротъ такъ свѣжъ, волосы такъ гладко причесаны подъ бѣлымъ платкомъ, движенія такъ ловки. Откуда это въ деревнѣ, въ Польсѣ! Глянулъ на косы, желая узнать, замужняя ли, косъ не было. Значить, за мужемъ.

Тадеушъ приблизился къ ней и не сводилъ глазъ съ нея; она краснѣла и шла съ засунутыми въ карманы свитки руками, съ опущенной головой, словно стыдилась, что была такъ красива. На лицѣ ея не было улыбки, какія вообще появляются на устахъ простыхъ женщинъ, когда онъ рады взглядамъ и похваламъ. Она опускала голову, въ замѣшательствѣ и краснѣя.

— *А звѣ свитки ты?* (А откуда ты?) спросилъ Тадеушъ.

— Изъ села.

— Съ Озерокъ?

— Съ Озерокъ, отвѣчала она по-польски.

— Ты говоришь по-польски?

— А чтожъ? говорю.

— Гдѣ жъ ты научилась?

— Во дворѣ.

— Гдѣ жъ ты была во дворѣ?

— Здѣсь, у господъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Уляной.

— А твоего мужа?

— Оксеномъ Гончаремъ.

Все это говорила Уляна тихо и не разборчиво, оглядываясь и прибавляя шагъ. Но Тадеушъ былъ сильно занятъ этой небесной наружностью въ такой плохой оболочкѣ и не отставалъ. Взглянулъ на ноги; ножки у ней были маленькія, но замаранные и черныя; вынула она руку изъ кармана, поправляя волосы, и рука была маленькая, розовая. Лицо еще иногда попадается, но рука? рука, это привилегированное украшеніе тѣхъ, кто ничего не дѣлаетъ, и имѣетъ, кажется, красивую ручку только для того, чтобы ею хвастать; рука была чудомъ!

У Тадеуша не достало уже вопросовъ; у нея билось сердце и горѣло лицо и такъ бѣжала она, что онъ наконецъ долженъ былъ оставить ее, спросивъ только издалика.

— Куда жъ ты идешь?

— Въ лѣсъ, за грибами...

Тадеушъ повернулъ по тропинкѣ въ другую сторону и побрѣлъ, задумавшись. Появленіе этой красивой женщины вызвало въ его головѣ тысячу тяжелыхъ воспоминаній.

— О!—говорилъ онъ самому себѣ, оглядываясь на бѣлющуюся въ отдаленіи свитку Уляны, это цвѣтокъ, заглушій среди негодной травы; цвѣтокъ, который былъ бы красивѣе многихъ нашихъ, оранжерейныхъ, еслибъ только выросъ на садовой клумбѣ, а не въ лѣсу. И не Оксѣнъ Гончаръ, но сколько лучше его, умѣющихъ любить, любили бы её. Какъ могъ бы быть съ ней счастливъ кто нибудь! Эти глаза не врутъ, въ ней есть душа, но душа эта спитъ и будетъ спать цѣлую жизнь. О! какъ былъ бы,—повторилъ онъ,—кто нибудь счастливъ съ нею. И не одинъ!—прибавилъ онъ тотчасъ же съ сарказмомъ. Не одинъ, двое вмѣстѣ, можетъ быть пятеро, десятеро, одинъ за другимъ.

Это послѣднее, странное замѣчаніе, вызвала память о прежней любви, гдѣ счастливъ былъ не одинъ онъ только, а кажется двое вдругъ! Воспоминаніе еще мучило его.

Тадеушъ опустилъ голову и пошелъ въ лѣсъ, задумавшись.

III.

Черезъ нѣсколько дней потомъ, всѣ были въ полѣ, а Тадеушъ, противъ своего обыкновенія, направился по дорогѣ, ведущей къ деревнѣ въ избу Гончаря. За чѣмъ?—онъ самъ не зналъ этого; а когда спросилъ себя и созналъ, для чего дѣлаетъ это, то смѣялся надъ собой, и, однакожъ шелъ, словно звѣрь, котораго тянутъ на веревкѣ.

Какъ часто въ одномъ человѣкѣ рѣзко обозначаются два человѣка! Люди положительные и управляемые только разумомъ

никогда не чувствуютъ въ душѣ этого раздвоенія. Для иныхъ же натуръ это составляетъ нестерпимое страданіе. Часто въ нихъ одинъ человѣкъ смѣется надъ плачемъ другаго, осмѣиваетъ его поступки и среди высочайшаго блаженства, указываетъ тучи, собирающіяся на небѣ, разбиваетъ наслажденіе, анализируетъ его, обнажая своимъ недоверіемъ. Холодный разумъ, какъ стражъ, сидитъ высоко, смотритъ подъ ноги, и остерегается, и осмѣиваетъ. Человѣкъ рѣдко послушенъ ему и разумъ мститъ насмѣшками, мститъ позднѣйшими укорами. Чѣмъ меньше слушаютъ его, тѣмъ сильнѣе допекаетъ онъ, тѣмъ больше кусаетъ, тѣмъ болѣе насмѣхается. О! это мученіе! Сердце летитъ въ свѣтъ, человѣкъ протягиваетъ руки, чувствуетъ уже себя счастливымъ, хватается свое счастье, а этотъ страшный голосъ Кассандры, которую носитъ человѣкъ въ себѣ, кричитъ ему безпрестанно: увидимъ завтра твое счастье! или: приглядись, чего добился! И тогда человѣкъ оглядывается, начинаетъ не вѣрить, перестаетъ быть счастливымъ.

Этотъ нравственный голосъ всегда сопротивляется волѣ человѣка, всегда съ угрозами становится ему поперекъ дороги. Увы! онъ всегда пророкъ разрушенія, и пророкъ справедливый!

И человѣкъ опускаетъ голову, закрываетъ глаза, повинуется страсти и неподнимаетъ вѣкъ, пока не разбудитъ его сатанинскій смѣхъ торжествующаго разума. Разумъ этотъ, или назовите его, какъ хотите, несносенъ, упрямъ, неумолимъ. Голосъ его безпрестанно звучитъ въ ушахъ и не даетъ покоя; заглушить его нѣтъ возможности, онъ съ тобой вездѣ, какъ твоя совесть, онъ часть тебя, но часть оторванная, независимая, которая плюетъ тебѣ въ лицо, валяется съ тобой въ грязи и не замарается, смѣется надъ твоими наслажденіями, осмѣиваетъ неудачныя намѣренія, горделивые планы показываетъ разрушенными.

Кто же изъ васъ не знаетъ этого неотступнаго товарища, этого змѣя, который, опоясавъ васъ, сосетъ изъ груди вашей спокойствіе и заранѣе страшая черною будущностью, стираетъ сладкія чары жизни? Кто же изъ васъ не знаетъ этого несноснаго надоедалу, отъ котораго не скроешься и въ самой глубинѣ собственнаго сердца? Не убьжишь отъ него, не поддѣлаешься къ нему; несносный упрямецъ, чѣмъ больше хочешь остановить его, тѣмъ еще сильнѣе грызетъ онъ васъ.

Тадеушъ боролся именно съ этимъ врагомъ. Два человѣка говорили въ немъ: одинъ—холодный, разсудительный, насмѣшливый; другой неосмотрительный, страстный и неопытный.

И первый безжалостно смѣялся надъ другимъ, мучилъ его, корилъ, а другой, словно не слышалъ, словно не чувствовалъ, словно не понималъ.

— Что жъ это? ты полюбилъ Гончариху, простую деревенскую бабу?—говорилъ насмѣшникъ.—Мерзость! Соблазнъ! Стыдъ! Неужто осмѣлишься отважиться, знаешь ли что это поведетъ за собой?

На все это Тадеушъ ничего не отвѣчалъ. Шелъ, слушалъ и молчалъ.

Дѣйствительно съ нимъ дѣлалось что-то непонятное. Произошла какая-то перемѣна. Ночью, не городъ съ своимъ шумомъ, не лѣсъ съ качающимися соснами и благоуханными березами, но прекрасные глаза Гончарихи снились ему; и глядѣла она на него этими глазами съ тысячью обѣщаній и съ какою-то упорительною грустью.

Послушный непреодолимому желанію увидѣть глаза этой женщины, онъ шелъ къ избѣ Гончарихи. Въ деревнѣ было тихо, только дѣти играли на улицѣ, старушка несла, покашливая, ведро и ежеминутно отдыхала, маленькія дѣвчонки, въ однихъ рубашенкахъ, напѣвая, плясали по грязи передъ избами, хоромомъ взявшись за руки.

Войдя въ деревню и приближаясь къ избѣ, Тадеушъ пріостановился и устыдился самого себя.

— Безумный! крикнуло ему одно я, то, которое никогда ничего не дѣлаетъ и безпрестанно смѣется надъ всеми поступками чело­вѣка, Зачѣмъ ты идешь? Что ты думаешь?

А другое, послушное, я, оправдываясь въ своемъ поступкѣ, отъ котораго не хотѣло отказаться, говорило:

— Перестань, ее вѣрно нѣтъ въ избѣ, она должна быть въ полѣ.

На это неотвязчивый насмѣшникъ шепнулъ на ухо:

— А если она дома и ты войдешь къ ней, всѣ будутъ знать объ этомъ; мужъ прибѣдетъ ее, хоть и не зачто. А тебѣ развѣ будетъ отъ этого лучше? свободнѣй, веселѣй? Поможетъ тебѣ это?

— Мы войдемъ только напиться воды, сказало тихонько другое я. Чтожъ въ этомъ, въ самомъ дѣлѣ, дурнаго? Да и мнѣ даже очень хочется пить, такъ жарко!

Онъ уже стоялъ передъ низкою дверью избы, тронулъ щеколду и вошелъ.

А насмѣшникъ хохоталъ совинымъ голосомъ и восклицалъ:

— О! прекрасно! превосходно! безподобно! иди же скорѣй за новымъ обманомъ и новыми страданіями.

Уляна была дома, стояла въ сѣняхъ около птицъ и что-то работала. Замѣтивъ барина, она покраснѣла, поблѣднѣла и остолбѣнѣла отъ удивленія и испуга.

Надо замѣтить, что Тадеушъ никогда не ходилъ по деревнѣ, никогда не бывалъ въ избахъ. Бѣдная женщина все это поняла, задрожала и, молча, ожидала, что онъ скажетъ ей.

— Дайте мнѣ воды, Уляночка, сказалъ тихо Тадеушъ, переступая порогъ.

Гончариха побѣжала за ведромъ въ первую избу и все еще красная и трепещущая, вынесла кувшинъ воды. Тадеушъ будто пьетъ, поглядываетъ, но пилъ онъ тихо, и смотрѣлъ пристально. Уляна закрывалась, утирая фартукомъ лице и не знала, что дѣлать. Дворовые такъ приучили ее къ грубымъ шуткамъ, отъ которыхъ надо было защищаться пятерней и кулакомъ, какъ отъ волка, что наконецъ, глядя на спокойное, по видимому, лицо пана, неподвижное его положеніе, она начинала сомнѣваться въ томъ, что прежде пришло ей на мысль.

— Что жъ вы тутъ дѣлаете, одна? спросилъ онъ черезъ минуту.

— А что жъ? Обыкновенно, въ домѣ найдется работа.

— Всѣ въ полѣ?

Этотъ вопросъ опять напугалъ женщину: она молчала, но, какъ бы вмѣсто отвѣта, съ улицы послышались дѣтскіе голоса.

— Можетъ быть, не рада видѣть меня въ избѣ?

— О! и очень, отвѣтила она принужденно и холодно, снова отирая лице фартукомъ, — наша изба бѣдна, чѣмъ принять пана?

— Богата, коли ты хозяйка, моя красивая Уляночка, произнесъ въ замѣшательствѣ и самъ не зная хорошенько, что говорить, Тадеушъ.

— Развѣ это богатство! отвѣтила Гончариха, вздыхая.

— Всѣ тебя любятъ.

— Тѣмъ хуже.

— Отчего?

— Развѣ вы не знаете? Коли люди любятъ, такъ мужъ не любить, а какъ мужъ не любить, нѣтъ ладу въ домѣ: только плачь да бѣда.... хуже голоду.

— А мужъ очень любить тебя?

— Не знаю, долженъ любить.

— Старъ онъ или молодъ? вы вѣдь иногда идете за мужей моложе васъ!

— О! мой старикъ!

— Какъ! старикъ? Кто жъ тебѣ велѣлъ идти за него?

— Обыкновенно: я изъ бѣдной семьи, онъ богатъ.

— Бѣдная! произнесъ тихо Тадеушъ. Такая красавица!

— Развѣ это на долго! шепнула съ презрѣніемъ женщина,

Во всѣхъ ея отвѣтахъ была какая-то грусть, которая, равно какъ и безпокойство, рисовалась и въ ея голосѣ и въ ея фигурѣ. Тадеушъ держалъ еще въ рукахъ кувшинъ, словно въ оправданіе своего продолжительнаго пребыванія въ избѣ; но выйти не могъ. Сила взгляда этой женщины, взгляда, въ которомъ было что-то непонятно-очаровательное, взгляда, который краснѣе ея самой, держала его прикованнымъ у двери.

— И ты даже не знаешь, любить ли тебя мужъ? повторилъ Тадеушъ.

Женщина взглянула на него и молчала.

— Долженъ любить меня, отвѣтила она черезъ мигу, — потому что очень ревнивъ. Сколько разъ онъ бивалъ меня за то, что кто нибудь изъ дворовыхъ шутилъ со мной.

— Какъ это? бивалъ! воскликнулъ удивленный Тадеушъ, — онъ смѣлъ тебя ударить?

— Что жъ тутъ удивительнаго? развѣ я не жена его?

— Правда! Но чѣмъ же ты виновата, что красива и все это видятъ.

— Я въ этомъ не виновата, но терплю за это. О! ужъ сколько разъ молила я Бога и Божію Матерь, чтобы освободиться мнѣ отъ людской напасти!

— И тебѣ не по сердцу, коли кто нибудь полюбитъ тебя?

— Къ чему это поведетъ. Да еще и мужъ бьетъ за это! А еслибъ и не билъ, что у нихъ за любовь!

При этомъ восклицаніи, произнесенномъ тихимъ голосомъ и со вздохомъ, панъ Тадеушъ задрожалъ и уставилъ на нее глаза.

— Какъ это? а какую же другую любовь знаешь ты?

— О! знаю, отвѣтила женщина, опуская глаза, — слышала о ней, когда была во дворѣ; не разъ слышала, какъ говорили и видѣла, какъ любили по господски! О! это не такъ, какъ дворовые и мы! Та господская любовь какъ-то очень хорошая, хоть грустная, а очень пріятная. И кончается, говорятъ, всегда печально. Такъ сказали мнѣ дворовые.

— Правда, правда, это кое-что другое, не ваши, не мужицкія ухаживанья, Уляночка, отвѣчалъ Тадеушъ, — но у васъ въ деревнѣ, коли мужъ прибѣдетъ, мать побранить, женщина поплачетъ, а мужчина напьется, тѣмъ и конецъ. Тамъ этимъ не кончается; за этой господской любовью слѣдуетъ часто болѣзнь, и часто слѣдуетъ и смерть.

Уляна ничего не сказала, но скрывая какое-то чувство, ясно обозначавшееся на лицѣ, или, можетъ быть, вздохъ, отвернулась къ курицамъ, и Тадеушъ долженъ былъ выйти.

Выйдя, онъ почувствовалъ, какъ стыдъ охватилъ его вмѣстѣ съ блескомъ солнечнаго дня и свѣжимъ воздухомъ. Вспомнилъ онъ, зачѣмъ входилъ онъ въ избу и съ чѣмъ вышелъ изъ нея. Сердце его билось, а лице пылало; и все это для простой деревенской бабы, для гончарихи!

— И она, говорилъ онъ самъ себѣ, — знаетъ, что есть какая-то иная любовь, что есть какое-то лучшее счастье, стоящее жертвъ; что на томъ же свѣтѣ Божіемъ, на которомъ она проводитъ тяжелые часы между колыбелью дитяти, конюшнею и хлѣвомъ, есть иная жизнь чувствъ, жизнь сердца, безумія и счастья. Бѣдная Уляна, зачѣмъ было заглядывать во дворъ и

слушать сказки, и верить сказкамъ. Сказки господскія — ядъ!! Не лучше ли бы ей было остаться, какъ другія, счастливою, испорченною, какъ ея сестры, чѣмъ бѣдною и чистою, какъ небольшое число избранныхъ мучениковъ, какихъ не найдешь между ея ровнями. Теперь бы наслаждалась съ какимъ нибудь дворовымъ, не заботясь о мужѣ, не чувствуя этого сожалѣнія о другой какой-то любви; не было бы ей скучно въ избѣ! Но это ребячество! ребячество! мечта! вздоръ! Это хитрость дворовая и, конечно, ничего больше. Ха! ха! и меня надула на минуту. Плутъ-баба съ своими розказнями о любви; должно быть, попробовала ее!

Такъ думая, панъ Тадеушъ шелъ берегомъ озера къ дому, опустивъ голову; изрѣдка поглядывалъ онъ на домъ уединенный, тихій, какъ была его новая жизнь; то опять поглядывалъ на деревню и на черную, старую церковь, и въ поникшей, словно отяжѣлой, головѣ его путались думы и безпокойные вопросы о будущемъ.

У каждого человека три жизни: одна, по которой онъ плачетъ; другая, которою онъ живетъ и охаетъ, третья, которой онъ надѣется. Этими тремя жизнями вмѣстѣ живетъ человекъ: изъ этой тройки свивается одинъ вѣнецъ и гдѣ не достанетъ одной изъ нихъ, тамъ пустое мѣсто заступаетъ страданіе, и всѣмъ намъ необходимо равно оплакивать прошедшее и съ грустью вспоминать о немъ, страдать подъ тяжестью настоящаго и заглядывать въ яснѣйшую будущность.

Этой третьей жизни не доставало въ эту минуту Тадеушу и потому-то такъ печальны и были его думы. Одна женщина, одинъ взглядъ, одно слово сдѣлали ему противною ту жизнь, которую, еще нѣсколько дней тому назадъ, онъ считалъ наиспокойнѣйшею и наисчастливѣйшею. Одна женщина, и какая же женщина!

А вечеръ спускался на землю тихій, спокойный, деревенскій; солнце алыло за сосновымъ лѣсомъ, рогатый скотъ возвращался съ пастбища и, опустивъ головы, шелъ въ свои хлѣва; прыгали козы, которыхъ въ такомъ большомъ количествѣ держать жители Польска; нѣсколько овецъ съ длинною шерстью на тоненькихъ ножкахъ бѣжали, блѣя, къ избамъ, дикія утки летѣли надъ озеромъ; вѣтеръ подымалъ волны и разбивалъ ихъ о берегъ у дороги, придавая имъ какой-то непонятный голосъ, плѣнительный, какъ всѣ звуки окружающей насъ природы. Въ этой картинѣ, такой обыкновенной, такой повседневной, была какая-то печальная прелесть, была жизнь, но жизнь, которая не удовлетворила бы сердцу, нѣсколько взыскательнѣйшему, жизнь, можетъ быть, слишкомъ безцѣльная.

Тадеушъ смотрѣлъ, находивъ все, что окружало его, прекраснымъ, и въ то же время какъ-то до того печально билось его

сердце, что онъ остановился и сълъ, чувствуя потребность по-грустить, потребность потосковать. Вся эта движущаяся пано-рама прошла передъ нимъ по другому берегу озера и, миновавъ корчму, двинулась къ селу. Онъ сидѣлъ и смотрѣлъ, а глаза его невольно обращались къ Уляниной избѣ, изъ которой по-дымался черный, смолистый дымъ. Вмѣстѣ съ ревомъ скота, слышались голоса возвращающихся съ поля крестьянъ и весе-лый крикъ дѣтей, встрѣчающихъ матерей. Есть же счастье и въ этой жизни—подумалъ Тадеушъ—и скорый еще, можетъ быть, и дешевле достается оно, чѣмъ другимъ. Хлѣбъ для нихъ—все, а, благодареніе Богу, они не были и не будутъ голодны.

Какой-то шелестъ послышался за нимъ, кто-то прошелъ ми-мо. Какъ будто нарочно, чтобъ раздражить его, то была Уля-на. Тадеушъ всталъ, хотѣлъ удержать ее. Она несла ведро во-ды, взглянула, улыбнулась и убѣжала. Онъ не хотѣлъ дого-нять ее, потому что съ дороги было ихъ видно, могъ кто ни-будь замѣтить; а если мужъ?.. Тогда изба превратилась бы въ адъ.

Стыдась и самъ себя упрекая, Тадеушъ воротился домой и заперся въ своей комнатѣ.

IV.

Да, да—говорилъ онъ дня два спустя—плутовка дворовая, умѣетъ она, какъ наши барыни, и вздыхать, и болтать, и гла-за щурить. Ихъ простота, коли замѣшается въ нее хитрость, сто разъ опаснѣе, потому что легче вѣрится въ ея искрен-ность. Зачѣмъ мнѣ унижаться до того, чтобы привязаться къ этой женщинѣ, къ простой гончарихѣ? Это старая болѣзнь от-зывается, это слабость и непростительное ребячество! Мечтать о глазахъ мужички, которымъ, можетъ быть, распутство при-даетъ остроу и блескъ, а хитрость дѣлаетъ ихъ выразитель-ными, это глупость!

Онъ вышелъ въ сѣни,—хлопнувъ за собой дверь, и въ сѣняхъ засталъ кого же опять?—Уляну! На этотъ разъ она смѣлѣе под-няла на него свои черные глаза.

— Что ты тутъ дѣлаешь?

— Такъ какъ я была прежде во дворъ и умѣю стирать, ме-ня взяли для стирки вашего бѣлья.

— И дворовые, конечно, очень рады этому?

— О! но я? Мужъ даже сюда приходитъ смотреть за мной. Вотъ несчастье!

Тадеушъ пожалъ плечами и, замѣтивъ на дворъ управляюща-го, крикнулъ:

— Пане Липовскій! Вели, чтобъ Оксенъ гончарь...

При этихъ словаль Уляна поблѣднѣла и убѣжала.

— Чтобы Оксенъ гончаръ, — докончилъ Тадеушъ — сію же минуту собирался въ дорогу. Есть у него лошади?

— Есть, пане, и самыя лучшія.

— Онъ повѣдетъ съ тобой въ Бердичевъ, вѣдь тебѣ нужна одна подвода?

— Хотѣлъ взять нашихъ, фальварочныхъ лошадей.

— Отъ того-то именно я и назначаю его, что мнѣ понадо-бятся лошади. Ихъ тамъ, кажется, нѣсколько человекъ въ избѣ.

— Да, пане.

— Стало быть, онъ можетъ вѣхать?

— Можетъ, пане.

— Прошу сдѣлать, какъ я сказалъ.

Управляющій принялъ это приказаніе за странную поблажку фольварочнымъ лошадямъ и ушелъ. Но Уляны уже не было. Тадеушъ стоялъ въ дверяхъ и колебался. Потомъ вышелъ въ садъ; онъ зналъ, что тамъ въ сторонѣ озера вѣшали иногда бѣлье, носили оттуда воду. Прежде онъ не обращалъ никакого вниманія, гдѣ и какъ что дѣлалось у него въ домѣ; теперь же всѣ мелочи приходили ему на мысль, а чего онъ не зналъ, то отгадывалъ. У раждающейся страсти всегда десять глазъ.

Онъ пустился къ озеру. Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, стояла Уляна, задумчивая, съ опущенными руками; не замѣчая его, она пожимала плечами, качала головой и разсуждала сама съ собою.

— Ну, на нѣкоторое время ты отдѣлаешься отъ него! ска-залъ панъ.

Уляна, обернувшись, вскрикнула.

— Мужъ твой сегодня уѣдетъ — прибавилъ Тадеушъ.

— О! дастъ онъ мнѣ за это!

— Откуда жъ онъ узнаетъ?

— Когда меньше будетъ знать, такъ больше станетъ дога-дывается — отвѣтила Уляна.

— О чемъ же ты раздумывала и разсуждала сама съ со-бой, когда я пришелъ сюда?

— Почему я знаю?

— Вѣрно не о мнѣ.

— Что мнѣ о васъ думать?

— Отчегожъ нѣтъ, когда я думаю о тебѣ?

— Обо мнѣ? — спросила женщина, поглядѣвъ ему въ глаза.

А за чѣмъ же это?

— Я и самъ не знаю — отвѣтилъ наивно Тадеушъ — но ког-да я увидѣлъ тебя, съ тѣхъ поръ ты постоянно у меня на умѣ.

— Я! съ нами-крестная сила! Вы станете думать обо мнѣ?

— Кажется мнѣ, что я люблю тебя, Уляночка; но не пова-

шему, не помужички и не такъ, какъ любятъ дворовые, но такъ, какъ любятъ господа: очаровала ты меня, злодѣйка!

И онъ приблизился къ ней, взявъ ее за талию и хотѣлъ поцаловать; но она въ испугъ вырвалась и жалобно крикнула:

— А мои дѣти?

— У тебя есть дѣти?

— Есть, отвѣтила она тихо—двое крошечныхъ младенцовъ.

— Да чегожъ ты боишься за нихъ—сказалъ онъ, опять приближаясь.—Развѣ я имъ сдѣлаю что нибудь? Развѣ мужъ твой сдѣлаетъ имъ что нибудь?

— О!—отвѣтила печально Уляна—слышала я объ этой любви: это всегда кончается бѣдой, и моимъ дѣтямъ будетъ плохо.

— О, не думай этого, Уляна—сказалъ Тадеушъ, отбрасывая у ней съ лица волосы, словно вмѣстѣ съ ними хотѣлъ отогнать и мысли—за чѣмъ же непременно дурной конецъ?

— Когда кто поклялся кому нибудь въ церкви, и ксендзъ благословилъ, обвелъ вокругъ олтаря, и вмѣстѣ цаловали они крестъ и изъ одной чаши пили... О! не хорошо тогда нарушить клятву и конецъ всегда дурной! Никто не принуждалъ къ клятвѣ и должно ее сдержать!

У Тадеуша не хватило словъ.

— Послушай, Уляна—сказалъ онъ, вдругъ обнявъ ее—сегодня твой мужъ уѣдетъ. Есть у васъ въ избѣ кто нибудь?

Она молчала, потупившись.

— Чтожъ это? не хочешь мнѣ отвѣтить? ну, такъ я спрошу управляющаго, пускай весь домъ догадается за чѣмъ.

— Есть у насъ нѣсколько человѣкъ въ избѣ—вскрикнула поспѣшно Уляна, поднимая глаза—работникъ, дѣвка, дѣти. Но на что вамъ это?

— Послушай—сказалъ Тадеушъ—я буду сегодня у тебя.

Сказавъ это и нежелая знать и слышать отвѣтъ, онъ быстро отвернулся и пошелъ домой; потомъ невольно оглянулся еще разъ и увидѣлъ, что Уляна, стоя на томъ же мѣстѣ, концемъ фартука отирала слезы.

V.

Наступилъ вечеръ и за нимъ ночь. Тадеушъ, который приучилъ уже людей къ своимъ странностямъ, вышелъ тихонько изъ дому къ озеру. Ночь была темная, въ деревнѣ огни погасли, свѣтилось только въ корчмѣ и свѣтлое отраженіе окна блестѣло въ водѣ спокойнаго озера. По временамъ слышенъ былъ кое гдѣ отдаленный лай дворовыхъ собакъ, шумъ колыхающейся воды, скрипъ колодезной бадьи, качаемой вѣтромъ, пенье пѣтуха, и мычанье скота въ хлѣвахъ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ
БИБЛИОТЕКА
Див. № 75581

МАРКОВЪ ЛЕОНИДЪ
БИБЛИОТЕКА
42635

Съ біеніемъ сердца, которое сопутствуетъ всегда подобному похожденію, Тадеушъ шель задумчиво берегомъ озера; въ головѣ у него все ворочалось, билось, ломалось, была только какая-то непонятная путаница мыслей, кровь огненной волной пробѣгала по жиламъ, зубы стучали, руки тряслись, на лицѣ выступалъ холодный потъ. Онъ незамѣтилъ, какъ очутился передъ корчмой, которую должно было миновать на дорогѣ отъ дома къ деревнѣ. По счастью тамъ никого уже не было и только слышался голосъ ребенка. Ночь была совершенно темная.

Не обращая вниманія на грязь, лужи и рытвины, Тадеушъ шель къ хорошо знакомой ему избѣ. Еще дитятей не разъ бѣгалъ онъ съ няней по деревнѣ, помнилъ въ ней каждое деревцо, каждый поворотъ улицы, каждый мосточекъ, колодезь... узнавалъ въ потьмахъ каждый закоулокъ и увѣренъ былъ, что не ошибется.

Когда же онъ приблизился къ избѣ, то смѣшался и встревожился, какъ разбойникъ. Онъ остановился и прислушался: кругомъ была тишина. Поднявъ глаза, онъ увидѣлъ кого-то, въ бѣломъ, стоящаго на порогѣ. И этотъ *кто-то* и онъ почувствовали въ потьмахъ присутствіе другъ друга, услышали, и увидѣли предчувствіемъ.

Тадеушъ кашлянулъ, фигура въ бѣломъ прижалась къ двери; онъ, молча, подвинулся къ ней. Онъ надвнулся на свое положеніе, какъ на положеніе барина и на испорченность этой женщины; рассчитывалъ на то, что она не была чиста! И что за наслажденіе хотѣлъ онъ найти тамъ!? О! непонятное сердце человеческое, кто жъ разгадаетъ тебя, когда ты бьешься желаніемъ тѣла? Бѣдное, безумное созданіе, бѣдный жертвенникъ сумасшедшихъ желаній!

Приблизившись, Тадеушъ легко узналъ, что фигура въ бѣломъ была Уляна.

— Это ты?

— Кто тутъ?

— Это я.

— А! баринъ, баринъ, повторила съ безпокойствомъ Уляна, тронувшись съ мѣста,—вы пришли? Зачѣмъ? На мое несчастье, на слезы мнѣ, на бѣду? Баринъ! Ахъ! уйдите, уйдите!

— Уйди, когда ты ждала меня на порогъ, возразилъ улыбаясь Тадеушъ,—мнѣ уйди такъ!

— Ждала! правда! отвѣтила Уляна,—ждала нарочно, чтобы предупредить, чтобы никто васъ не увидѣлъ, упросить, чтобы вы не входили. Несчастный крестъ на мнѣ, Баринъ! баринъ! Я не такая, какъ вы думаете. Это-то ваша любовь? прибавила она, —а! это хуже ненависти!

Тадеушъ, удивленный задыхающимся и дрожащимъ голосомъ

этой женщины, въ которомъ сильно высказывалось негодованіе, стоялъ, не зная что начать.

— Ну, ну, Уляна, сказалъ онъ въ замѣшательствѣ, приближаясь къ ней,—пойдемъ въ избу! Чего ты боишься?

— Въ избу? зачѣмъ? чтобы насъ видѣли, чтобы слышали, чтобы я была несчастлива, чтобы... И она заплакала.—Господь покараетъ меня на дѣтяхъ, на домѣ, на имуществѣ, на хлѣбѣ...

— Пойдемъ, пойдемъ, Уляна, настаивалъ Тадеушъ. — Если Господь долженъ покарать, то Онъ меня только покараетъ.

— На мнѣ крестъ, баринъ! Не пойду! не хочу! не пойду! Крикну и разбуджу всю деревню! Созову всѣхъ! Идите, баринъ, идите!

— Такъ ты хочешь, воскликнулъ Тадеушъ, скрипя зубами,—чтобы я мстилъ, чтобы я отмстилъ тебѣ.

— А что жъ вы мнѣ сдѣласте? спросила она,—велите бить меня? развѣ и такъ не бьютъ меня? Отнимете хлѣбъ? и такъ его немного, а дѣти малы, въ рекруты не отдашь ихъ.

Тадеушъ, насупившись, задумался. Онъ еще попробовалъ подступиться къ ней, но баба блеснула въ темнотѣ ножомъ.

— Осторожнѣй, сказала она,—у меня ножъ, я взяла его нарочно и буду обороняться.

Услыхавъ это, Тадеушъ остолбенѣлъ и остылъ.

— Вы думаете, можетъ быть, говорила она смѣло,—что коли я красива, такъ у меня нѣтъ уже ни вѣры, ни сердца и не знаю я и Бога. О! и она засмѣялась дрожащимъ голосомъ, тихо и печально (смѣхъ этотъ звучалъ какъ горькія слезы).—Ступайте куда нибудь въ другое мѣсто; найдете себѣ другую и третью, и десять, но не меня. Идите, баринъ. Если придетъ кто нибудь, я должна буду кричать и пристыжу васъ...

— Такъ ты отталкиваешь меня и мою любовь, шепнулъ Тадеушъ полу-насмѣшливо, полу-сердито.

— О! развѣ это любовь? спросила она.—Та, о которой мнѣ снилось, думалось, о какой поется въ лѣснѣ и на вечерницахъ толкуютъ: барская, королевская любовь; чувствую я, совсемъ иная. Та, та! о! не для насъ бѣдныхъ, не въ избѣ искать ее, не на мозольныхъ черныхъ рукахъ укачивать ее.

— Удивительная женщина, сказалъ самъ себѣ Тадеушъ.—Доброй ночи, Уляна!

И она насмѣшливо отвѣтила ему потихоньку:

— Доброй ночи.

Онъ стоялъ еще, не зная что начать; она уже исчезла. Полный стыда, потащился онъ тихохонько во свояси, повторяя: Удивительная женщина!

VI.

На другой день, рано утромъ, онъ выбѣжалъ въ лѣсъ, мысленно разбирая еще вчерашнее приключеніе; онъ стыдился самого себя и сожалѣлъ о своей ночной прогулкѣ. Поведеніе этой женщины лежало у него на душѣ непонятной загадкой. То онъ думалъ, что это было новое притворство; то опять силлся понять достоинство женщины того класса, въ которомъ обыкновенно не имѣютъ объ этомъ и понятія, и господскія ухаживанія скорѣе принимаютъ какъ удовольствіе и добрый случай, чѣмъ за грозу и несчастье.

— Бойся мужа, и все тутъ,—думалъ онъ про себя. И опять припоминая черты ея лица, ея взглядъ, непонятное выраженіе котораго такъ плохо клеилось съ строй свиткой, угадывалъ, казалось, что ее не должно было судить, какъ другихъ женщинъ этого класса; на основаніи общаго правила испорченности, боязни и равнодушія. Это была, можетъ-быть, жемчужина, валяющаяся въ грязи; но какимъ же образомъ имѣла она ея наружность и блескъ? Какимъ образомъ женщины этого званія далъ Богъ такое лице и такую душу? Какимъ образомъ, окружающая ее испорченность не коснулась ея досихъ поръ? Какой ангелъ охранялъ ея молодость? Кто далъ ей эту гордость и уваженіе къ себѣ, и любовь къ добродѣтели, и понятіе о святости клятвы?

Этого ни Тадеушъ, да и никто другой на его мѣстѣ, не въ состояніи былъ объяснить себѣ.

Съ ружьемъ на плечъ шелъ онъ тихонько въ лѣсъ. День былъ праздничный, онъ встрѣчалъ много народу, идущаго по грибы и по ягоды; далеко уже по лѣсу раздавались пѣнье и ауканье. Съ безпокойствомъ озирался Тадеушъ: между мелькавшими, какъ тѣни, фигурами искалъ онъ Уляну. Кто знаетъ, не съ этою ли мыслью вышелъ онъ изъ дому? Онъ желалъ встрѣтить ее, хоть и не сознавался въ этомъ даже самому себѣ.

И размышляя и идя куда ноги несутъ, забрался онъ въ густую чащу, за которой было болото и старая вѣковая могила, гдѣ привыкъ онъ отдыхать. Машинально и баринъ, и собака пробрались тропинкой, ими же самими, вѣроятно, протоптанной къ могилѣ двухъ братій. Такъ называли ее крестьяне.

Окружала ее густая паща орѣшника и зарослей; никто кромѣ охотниковъ не ходилъ туда, да и тѣ заглядывали туда рѣдко, потому что надо было сдѣлать порядочный кругъ или брести по кочковатому болоту, чтобы дойти до пригорка, гдѣ насыпана была эта могила. Народное преданіе говорило, что тамъ, при

рубкѣ сосны, убились два брата. Мѣсто это считалось страшнымъ и проклятымъ; никто не забирался туда, никто не ходилъ, боязливые обходили ее даже, крестясь; и хотя и есть повсемѣстный обычай, бросать вѣтки на такія могилы, здѣсь ихъ почти не было,—некому было ихъ бросать.

Разныя сказки рассказывались на вечерницахъ объ этомъ мѣстѣ; всѣ, однакожъ, сходились въ томъ, что мѣсто это было зачатое и несчастливое. Нѣкоторые прибавляли, что одинъ изъ двухъ братьевъ любилъ жену своего брата и жилъ съ нею, а другой видѣлъ это и молчалъ, потому что боялся и вѣроломной жены и злаго брата, и Богъ за то наказалъ ихъ. Иные говорили, что братья рубили сосну въ воскресенье; иные, что братъ убилъ брата, и убійцу привалило сосной, но всѣ повторяли, что мѣсто это было облито неотомщенной кровью и проклято.

Пробираясь къ этой могилѣ, Тадеушъ съ какимъ — то страхомъ оглядывался, не покажутся ли гдѣ-нибудь тѣни убитыхъ братьевъ, о которыхъ слышалъ еще отъ своей няньки. Собака его бѣжала по тропинкѣ, нюхала, кидалась въ стороны, поднимала голову, лаяла, ворчала и останавливалась. Это удивляло Тадеуша, который толковалъ себѣ безпокойство собаки тѣмъ, что кто-нибудь, собирая грибы, попалъ сюда, можетъ быть, заблудившись.

Наконецъ выбрался онъ изъ густаго лѣса и, пройдя нѣсколько шаговъ по окраинѣ мокрой лужайки, приблизился къ могилѣ, поднялъ глаза. На верху—о чудо! — сидѣла Уляна, на коленѣ опиралась ея рука, на руку голова; плечомъ прислонилась она къ дереву, глаза глядѣли куда-то далеко, за лѣсъ и за горы.

— Опять она! — воскликнулъ, останавливаясь, Тадеушъ, — ты тутъ! — прибавилъ онъ громко.

Уляна вскочила. — А! вскрикнула она, — я думала, по крайней мѣрѣ, что здѣсь не найдете вы меня. Она хотѣла убѣжать; собака бросилась за нею. Испуганная, она остановилась, и Тадеушъ подошелъ къ ней.

— Чего ты бѣжишь? сказалъ онъ тихо, притворяясь равнодушно-спокойнымъ, — по крайней мѣрѣ, здѣсь тебѣ нечего бояться.

— Васъ, баринъ, отвѣтила она поспѣшно.

— Я, Уляна, не мужикъ, не дворовый; я ни бить тебя, ни дѣлать тебѣ насилія не думаю.

— Нѣтъ? спросила она языкомъ и глазами, — точно нѣтъ?

— О, нѣтъ, отвѣтилъ Тадеушъ, — если я люблю тебя, то не такъ, какъ они.

Она стала смѣлѣй.

— И не такъ, какъ мужъ твой, а такъ, какъ еще никто тебя не любилъ; о такой любви ты даже и не слыхала.

— А потомъ что жъ бы было? спросила она, тихимъ голосомъ, играя концемъ фартука, и взглянувъ на него боязливо.

— Ничего: я любилъ бы тебя долго, всегда, до смерти.

— О! я вѣдь знаю, что въ такой любви смерть должна быть въ концѣ, смерть непременно.

— Но кто же думаетъ о смерти?

— Развѣ я не знаю? Сколько разъ ни слышала я въ пѣсняхъ и сказкахъ о такой любви, всегда были тамъ на концѣ могила, да смерть.

— И! не вѣрь этому, Уляна; можно любить и не умереть отъ этого.

Говоря это, Тадеушъ, который уже стоялъ подлѣ нея, полунасиленно посадилъ ее подлѣ себя и обнялъ. Она такъ задумалась, что почти забыла обороняться, ничего не говорила; но когда онъ придвинулся, чтобъ поцѣловать ее, она отшатнулась и хотѣла встать.

— Не бойся же, сказалъ Тадеушъ, —позволь мнѣ хоть поглядѣть на тебя.

Съ смѣшною дѣтскою довѣрчивостію, Уляна подняла на него свои чудные глаза, и такъ смотрѣла, что Тадеушъ не зналъ, въ самомъ ли дѣлѣ это взглядъ простой женщины. Взглядъ этотъ, казалось, говорилъ такъ много и такія дивныя вещи, выражалъ столько неземныхъ тайнъ, столько обѣщалъ счастья, столько заключалъ въ себѣ надеждъ о будущемъ!

Встрѣчалъ ли кто изъ васъ такой чудный взоръ, при простой сѣрмягѣ, въ женщинѣ, которая, только по одному взгляду, была ангеломъ, а остальною частью души и тѣла—кухаркою. Не ужасное ли мученіе смотрѣть на этотъ даръ Божій, свидѣтельствующій о прекрасной душѣ, которой нѣтъ, на этотъ взоръ, говорящій столько прекрасныхъ вещей, которыхъ языкъ повторить не сможетъ. Такая женщина — страшное уродство, и такихъ женщинъ сотни, милліоны, тысячи. Свѣтъ души проглядываетъ всегда въ глазахъ, и когда человекъ заглушилъ уже се въ себѣ жизнью животною, остатокъ отражается въ глазахъ.... И глаза говорятъ, общаются, поютъ, лгутъ, когда на днѣ души пропасть или пустыня.

— А! Уляна моя, сказалъ онъ ей тихо, очарованный ея взглядомъ, —той любви, о которой ты слышала, этой сладкой любви довольно видѣть любимую особу, довольно коснуться ея руки, довольно коснуться ея устъ.

Уляна, чувствуя, какъ онъ взялъ ее за руку, въ замѣшательствѣ, взглянула на него съ улыбкой. Въ этомъ взглядѣ былъ испугъ, и почти уступка, но уступка изъ страха, безъ размысленій. Тадеушъ замѣтилъ это, опустилъ руку, до которой только что дотронулся, и уставилъ на нее глаза. Прикосновеніе жесткой, намозоленной руки, которая не умѣла за-

дрожать, могло бы разочаровать его. Онъ смотрѣлъ: она уже опустила глаза, почувствовавъ, не смотря на свою простоту, сколько было въ его взглядъ страстнаго, страшнаго, какая бури бушевала подъ его улыбкой.

— Хочешь ты такъ любить меня? спросилъ онъ черезъ минуту.

— Я? О, баринъ, развѣ это возможно, я бѣдная; но....

— Но что же?

— Можно сказать откровенно?

— Откровенно, и какъ можно откровеннѣе.

— Откровеннѣе я не знаю, отвѣтила она, закрывая глаза, — вы меня околдовали, со мной дѣлается что-то, чего не было никогда въ жизни. Кажется мнѣ, что я пробуждаюсь, что меня когда-то давно любилъ кто то точно такъ же, что я не жена гончаря. Жена гончаря! повторила она, вздыхая. — Бѣдная я! Кресть на мнѣ, съ двумя дѣтьми, изъ бѣдной избы. И развѣ вы могли бы полюбить такую ничтожную? а мужъ?

— О! это не то, сказалъ Тадеушъ съ принужденной улыбкой.

— Не то? И такая любовь не грѣхъ, спросила она наивно.

— О, конечно не грѣхъ! Такъ будешь любить меня, Уляна?

— Какъ знать? какъ знать? Со мной только дѣлается что-то непонятное, какъ-то грустно, пріятно, страшно; я ужъ боюсь, чтобъ вы меня не бросили, страшно подумать о завтрашнемъ днѣ. Да и васъ самихъ мнѣ что-то страшно!

— Чего жъ тебѣ меня бояться? я тебя такъ люблю.

— А, баринъ, эта любовь на часъ только. Я знаю, я слышала, что вы не можете любить простую, какъ я, женщину. Не сегодня, завтра, вы бросили бы меня! Развѣ я умѣю то, что вы умѣете, развѣ я такъ хорошо одѣта, какъ ваши барыни, какъ жена управляющаго, какъ попадья и поповна. О, онъ красивы, а я!... Нѣтъ! нѣтъ! это невозможно; чтобы любить другъ друга, надо быть ровнями.... Я мужичка.... я гадкая.... и не пойму васъ, какъ ваши барыни.

— Ты сто разъ красивѣе въ этой свиткѣ, Уляна. Не бойся этого: отдали бы онъ всѣ свои красивые наряды за одни твои глаза. И зачѣмъ бы лгать мнѣ, если бъ я тебя не любилъ.

— Почему жъ нѣтъ? Господамъ это позволено: позабавиться и бросить.

— Не мнѣ сдѣлать это, не мнѣ обмануть тебя! О, нѣтъ! возразилъ Тадеушъ, котораго уединеніе, взглядъ этой женщины и даже ея рѣчь, воспламеняли все больше, и больше. — Ты меня не знаешь, но я не шучу, и слово мое стоить клятвы.

— Если вы могли подумать, что я пушу васъ ночью въ избу, отчего не подумать вамъ, что меня можно соблазнить и обмануть?

— Я тебя тогда не зналъ, Уляна, не зналъ, кто ты; теперь только узналъ тебя.

Уляна вздохнула.

— Да и на что все это? на что намъ! Зачѣмъ вы увидали меня и пристали ко мнѣ! Это вѣрно на мое несчастье. Крестъ на мнѣ! А мужъ, а люди? Кто жъ этого не замѣтитъ?

— О, объ этомъ не безпокойся, Уляна, воскликнулъ обрадованный Тадеушъ, придвигаясь къ ней и прижимая ее къ себѣ, — не бойся... я защищу тебя, я...

Онъ хотѣлъ говорить, но Уляна вырвалась вдругъ, какъ молнія, и не оглядываясь, побѣжала въ лѣсъ; и пока Тадеушъ всталъ, было ужъ поздно догонять; свитка ея исчезла въ густыхъ кустахъ, окружающихъ могилу.

Онъ стоялъ на могилѣ.

— Что это? говорилъ онъ самъ себѣ, опершись на ружье и уставивъ глаза въ землю. — Что это? чѣмъ это кончится? Неужели это любовь—въ сѣрмягѣ!! Дивная, непонятная, безразсудная страсть къ простой, *дикой* женщинѣ: это непонятно! Откуда у ней эти глаза? Откуда у ней это лицо? Откуда у ней эта улыбка, эти рычи? Зачѣмъ, по крайней мѣрѣ, не свободна она, не дѣвка? О! тогда пусть говорилъ бы себѣ свѣтъ, смѣялся и насмѣхался.

Онъ вздохнулъ и потеръ рукой сморщенный лобъ.

— Что будетъ, то будетъ! Я съ ума сошелъ! Сказавъ это, онъ бросилъ, по обычаю, отломленную вѣтвь на могилу, и потихоньку потащился за собакой домой.

VII.

Тадеушъ не могъ образумиться, не могъ понять, что съ нимъ сдѣлалось, а видя въ себѣ перемену, и отыскивая ея причину, почти не вѣрилъ самому себѣ.

— И что же такого въ этой женщинѣ, повторялъ онъ самому себѣ, въ безпокойствѣ,—красота? Но вѣдь я видѣлъ столько красавицъ и ни одна не заняла меня. Да и наконецъ это дикое дитя Польска, безъ мысли, безъ слова. Однакожъ, когда онъ говорилъ это и припоминалъ взглядъ Уляны, то чувствовалъ, что ея взглядъ могъ замѣнить и рѣчь, и мысли, нерѣдко заимствованныя у другихъ женщинъ, которыхъ свѣтъ и общество выточили куклами, и научили, какъ сорокъ, болтать чужія мысли.

Занятый своимъ настоящимъ, онъ ужъ почти не жалѣлъ и не вспоминалъ о жизни прошлой, а только мечталъ о какой-то будущности.

О какой? онъ самъ еще не зналъ этого. И какая же могла быть жизнь съ простой женщиною, которую отдѣляли отъ него

мужъ, положеніе и цѣлый свѣтъ, свѣтъ другихъ идей, столь далекій отъ того, изъ котораго вышелъ Тадеушъ? Все-таки онъ мечталъ о ней и почти надѣялся, что отъ нея придетъ къ нему счастье. Глядя на него, можно было повторить съ англійскимъ поэтомъ: Сердце—пропасть бездонная.

Привыкнувъ исполнять свою волю, Тадеушъ не подумалъ удерживать рождающееся чувство, заглушить его поѣздками, разсѣяніями. Онъ предался ему отъ нечего дѣлать, отъ безпечности, не силясь даже освободиться отъ него. Если иногда уединеніе и бываетъ полезно молодежи, за то, какъ часто совершенное удаленіе отъ свѣта бываетъ пагубно и ведетъ къ одичалости.

Тадеушъ, закоренѣлый въ прежнее время охотникъ, потому что охота была его единственнымъ занятіемъ и развлеченіемъ, боялся теперь выйти изъ дому, чтобы не потерять съ глазъ Уляны, которая часто забѣгала въ дворъ.

Нерѣдко онъ бродилъ по деревнѣ, избирая минуты, когда всѣ были въ полѣ, подглядывалъ, ходилъ, но Уляна избѣгала его. Кто знаетъ и пойметъ, что съ ней дѣлалось?

У женщинъ этихъ такъ мало свободнаго времени, такъ много заняты онѣ работой, столько заботъ лежатъ на нихъ въ избѣ, столько тѣлеснаго труда, что нельзя имъ почти и думать о себѣ.

Человѣку необходимо имѣть немного свободы, чтобы начать жить мысленно: физическій трудъ мало-по-малу убиваетъ въ немъ душу. Но праздный Тадеушъ, единственнымъ дѣломъ котораго, были одни размышленія, мечталъ самымъ страннымъ образомъ, и, преслѣдуемый взглядомъ Уляны, непонятнымъ ему самому, искалъ его вездѣ и постоянно желалъ, чтобы встрѣтиться съ нимъ.

И онъ думалъ про себя: столько людей окружаютъ ее и видятъ, почему жъ никто не замѣтилъ въ ней того, что замѣтилъ я? Правда, что эти другіе, далеко другіе люди, но кажется мнѣ, что сила этого взгляда должна была пробудить душу въ мертвыхъ, развить навсегда поглупѣвшаго, сдѣлать простака—пророкомъ, нѣмаго—поэтомъ.

Потомъ онъ сожалѣлъ, что Уляна была только женой гончара, что должна была трудиться съ волами, и столько же, сколько воли: хотѣлъ вырвать ее изъ-подъ этого ига. Но какимъ же образомъ? Вся деревня замѣтила бы это, и она сама захотѣла ли бы, цѣною домашняго спокойствія, купить болѣе свободную жизнь? О! конечно нѣтъ!

Въ то время, какъ это дѣлается, Оксенъ, мужъ Уляны, ѣдетъ въ Бердичевъ, а Тадеушъ ежедневно, то здѣсь, то тамъ, видитъ Уляну, сближается съ нею по немногу, приучаетъ ее къ себѣ, къ мысли о клятвеннопреступленіи и къ грѣху. Удерживать себя и отступить онъ уже не хотѣлъ; и хотъ говорилъ себѣ, что любовь къ такой женщинѣ безуміе, что она не сѣмьветъ ни понять ее, ни оцѣнить того, что онъ для нея дѣлаетъ и чувствуетъ,—

безумная страсть шла все-таки дальше и шла совсѣмъ не той дорогой, какую бы, при другомъ условіи, выбралъ баринъ, полюбившій крестьянку.

Наконецъ всѣ стали замѣчать. Тадеушъ измѣнилъ образъ жизни, свои привычки, его видали разговаривающимъ съ Уляной, часто прогуливающимся по деревнѣ. Первый же старикъ, отецъ Уляны, покачалъ головой, подглядывъ однажды, какъ баринъ упорно слѣдилъ за нею взглядомъ.

Старый Левко вошелъ въ избу и сѣлъ, задумавшись, къ столу. Задѣло его за живое это открытіе, но не смѣлъ онъ сказать ни кому ни слова. Пришло ему на мысль внезапное отпращиваніе гончара въ дорогу; оттуда возникли мысли, а изъ мыслей печальное раздумье: что съ этой бѣдой дѣлать?

Мужикъ Польска, не смотря на ежедневные примѣры неврности женъ и позора дочерей, щекотливъ въ этомъ дѣлѣ; не въ состояніи будучи мстить барину, онъ станетъ мстить женѣ, и бѣда даже барину, если доведутъ его до крайности. Онъ тогда въ отчаяніи подложитъ огонь подъ гумно и домъ, и потомъ убѣжать. Старый Левко, однакожъ, не былъ еще такъ увѣренъ въ своемъ предположеніи, чтобы думать о мщеніи; только мрачныя догадки бродили у него въ головѣ. Онъ пошелъ въ корчму, по дорогѣ встрѣтилъ свекра Уляны, дряхлаго старика, который плелся съ палочкой. Онъ повелъ его съ собой въ корчму.

Тамъ въ углу, у стола, усадивъ старика за четвертой, Левко принялся его допрашивать:

— Видѣлъ ли ты когда нибудь барина въ твоей избѣ?

— Говорили, что онъ приходилъ разъ напиться воды... а что?

— Ничего, такъ. А часто Уляна ходитъ во дворъ?

— Какъ всегда. А что?

— Ничего. А не видалъ ты когда нибудь, чтобы баринъ таскался около вашей избы?

— Иногда.

Левко облокотился и задумался.

— А не ночевала ли Уляна во дворѣ?

— Нѣтъ, никогда. Чтожъ развѣ ты думаешь что нибудь дурное объ дочери?

— Ничего, старина, но боюсь: баринъ молодъ, она красива, а дьяволъ не спитъ.

— И! оставь барина! будто у него это въ головѣ!... ему бы только съ ружьемъ да съ собаками по лѣсу таскаться; этого ему и довольно!

— Ой нѣтъ, батька! нѣтъ! я что-то вижу, я что-то думаю, а я напрасно не думаю. Не болтай только никому, но мнѣ кажется, что они между собой снюхались; они знаютъся!

— Да вѣдь Уляна прежде служила во дворѣ, и никогда этого

не было, а теперь, когда стала сама хозяйка въ избѣ и дѣти народились, такъ придется ли ей такая дурь въ голову.

— А помнишь ли ты Настьку Прокопову? спросилъ Левко.

— Чтожъ? помню.

— Жила лѣтъ пять съ мужемъ, а управляющій ее потомъ соблазнилъ. Прокопъ нагрѣлъ ему шкуру въ лѣсу, поймавъ его съ женой. Экономъ на другой день на барщинѣ отдалъ ему вдвое, и потомъ....

— Прокона сдали въ рекруты.

— А Настя сдѣлалась хозяйкой у эконома, а дѣти остались на вѣкъ сиротами.

— А чтожъ? правда. Но Уляна не такая, о! не такая! и баринъ также.

— Баринъ! о! онъ хуже эконома. Чтожъ ему сдѣлалось? что скажешь! Надо терпѣть, потому что убѣжать нельзя: на днѣ ада теперь найдутъ, а потомъ въ рекруты, или нужда, пропали дѣтки!

— Но коли этого нѣтъ, а Уляна объ этомъ и не думаетъ; тебѣ старику это приснилось.

— Дай Богъ, дай Богъ!—До васъ, кумъ.

— До васъ. Добраго здоровья.

— Добраго здоровья.

— На здоровье вамъ.

— На здоровье.

А потомъ ужъ подпивши, старики завели длинные толки о своей нуждѣ и горѣ, до тѣхъ поръ, пока не уснули за столомъ. Левко, продремавши, проснулся первый. Онъ разбудилъ свояка, потому что наступила ночь и пора была возвратиться домой. Тотъ потащился тихонько грязною улицею, размышляя о томъ, что натолковалъ ему Левко. Поматывая головой, онъ не вѣрилъ; охладѣвшій, опытный, приглядѣвшійся ко всему онъ не такъ глядѣлъ на стыдъ своего сына и позоръ невѣстки, какъ Левко; напротивъ, если бы даже и такъ было, то онъ ничего не видѣлъ въ томъ особенно дурнаго. Такъ полузадумавшись, почти въ полудремотѣ еще, дошелъ онъ до дверей. Въ дверяхъ встрѣтилъ онъ Уляну, будто собравшуюся куда-то: на ней была свитка, воскресные башмаки, чулки, бѣлый платокъ на головѣ и цвѣтной поясъ. Старикъ увидѣлъ это, не смотря на темноту, и остановился на порогѣ.

— Неужто это правда?—подумалъ онъ и спросилъ: куда же это ты ночью, Уляна?

— Къ управительшѣ — отвѣтила смѣло баба, она прислала за мной: у нея дитя больное, надо приглядѣть.

— У тебя свои ребята въ избѣ.

— При нихъ Прыська.

— Прыська не мать, ответилъ старикъ, входя въ двери: —но ступай съ Богомъ, коли хочешь.

Онъ оглянулся еще разъ и пошелъ, нахлобучивъ шапку на уши. Уляна пожала плечами и побѣжала во дворъ.

Но она пошла не къ управительшѣ. О! нѣтъ! уже не въ первый разъ, по зву барина, бѣжала она съ нимъ въ лѣсъ, или въ садъ, и запутанная въ эту барскую любовь, о которой слышала только въ пѣсняхъ, забывала уже дѣтей, избу, мужа, стыдъ... Какъ это случилось? откуда пришло это? она сама не знала. Плакала она иногда надъ собой, а шла къ нему, и посвящала ему свой покой, все свое, за минуту счастья, лучшей половины которой не понимала, слушая рѣчи барина, какъ далекую пѣснь, которую доносить вѣтеръ отрывочною, непонятною, но еще болѣе прекрасною.

Съ нимъ вмѣстѣ просиживала она цѣлыя ночи въ саду, или въ лѣсной чащѣ, и разговаривали они молча, или немногими словами, но въ этомъ разговорѣ было столько содержанія! Они были счастливы какимъ-то особеннымъ счастьемъ, непонятнымъ, уродливымъ, до котораго одному нужно было подниматься высоко, другому низко спускаться. И однако жъ это было счастье, не минутное удовлетвореніе, не мимолетное безуміе: чувствовали они это оба, и напрасно насмѣшливый разумъ пророчилъ Тадеушу перемену на завтра; это завтра было еще далеко. Это было счастье, хотъ за нимъ и выглядывали бури, хотъ въ немъ были слезы, и безпокойство, и униженіе.

Подлѣ барина Уляна, казалось, понимала горячимъ сердцемъ, что онъ говорилъ ей. Тадеушъ впрочемъ, старался принаравливаться къ ея понятіямъ, замѣняя клятвы и слова обѣянтіями и поцѣлуями.

Было что-то странное въ ихъ ночныхъ бесѣдахъ, въ ихъ взаимномъ сближеніи, въ ихъ довѣрчивости; но прелесть взгляда Уляны, ея живая понятливость, любовь, ежедневно возрастающая, объясняли ихъ положеніе.

У крестьянина, при всемъ его невѣжествѣ, при всей его беззаботности, въ душѣ больше поэзіи, чѣмъ въ другихъ низшихъ классахъ общества. А крестьянка еще поэтичнѣе. Ей способствуетъ въ томъ жизнь посреди природы и нужды: онъ навѣваютъ имъ сны и мечтанія, а свѣжій умъ глотаетъ жадно благодатный напитокъ изъ чаши жизни; самая испорченность носить иногда въ себѣ печать какой-то красоты, которой мѣщанинъ и не жаждетъ, и не понимаетъ.

Тадеушъ охотно забывалъ подлѣ нея всю былую поэзію и мечты своей души, всѣ удовольствія иного свѣта, все, что не вмѣщалось въ его настоящей сферѣ; жилъ только этой идилліею, въ постоянномъ одуреніи, въ постоянномъ опьяненіи безъ отрез-

вленія. Разумъ все рѣже и рѣже отзывался насмѣшками: побѣжденный, онъ палъ и молчалъ.

Такъ текли дни, ночи, вечера, недѣли, и уже вѣсть объ этомъ разносилась по деревнѣ все громче и громче. Баринъ не зналъ этого, а Уляна уже объ этомъ не заботилась. Она любила его безумно, страстно, до безграничнаго обожанія, до забвенія даже того, что была матерью!!

VIII.

Черезъ недѣлю воротился Оксенъ изъ Бердичева; дѣти встрѣтили его криками; всѣ обступили его телегу и спрашивали о новостяхъ; онъ распрашивалъ взаимно. Самъ арендаторъ, любопытствуя узнать о цѣнѣ воловъ, вышелъ къ нему, заложивъ назадъ руки.

Поодаль стали старики отцы, Левко и Улясъ, и переглядывались между собою, сказать ли ему кой-что или нѣтъ; стояла и Уляна; но блѣдная, безъ памяти, безъ сознанія, что дѣлаетъ. Она держала бѣлый фартукъ въ рукѣ, подъ подбородкомъ и поглядывала на мужа, но такъ, какъ будто не видѣла его, какъ будто и душой и мыслями была совершенно въ другомъ мѣстѣ; страхъ пробѣгалъ по ней дрожью и застилалъ глаза слезами.

Пріѣздъ Оксена пробудилъ въ ней угрызеніе, испугалъ, порвалъ сладкую уже нить нѣсколькихъ дней, нѣсколькихъ ночей, проведенныхъ съ Тадеушомъ. Она, думая о томъ, какъ придется ей покинуть это, и воротиться опять въ свою избу, къ мужу, къ дѣтямъ, и не видѣть возлюбленнаго, не любить и не просиживать съ нимъ длинныхъ вечеровъ, плакала кровавыми слезами въ душѣ, ибо не могла плакать глазами. Всѣ на нее смотрѣли.

Старый гончаръ, поздоровавшись съ дѣтьми, которымъ далъ по яблоку, справившись потомъ о хозяйствѣ, и отдавши женѣ платокъ, привезенный въ гостинецъ, не безпокоился уже больше ни о чемъ, и пошелъ съ двумя стариками, отцомъ и тестемъ, въ корчму. Къ нимъ присоединился молодой Павлюкъ, братъ Оксена, который, въ силу возложенной на него обязанности, самымъ внимательнымъ образомъ стерегъ Уляну, и лучше всѣхъ зналъ обо всемъ, и чрезвычайно хотѣлъ объ этомъ сообщить Оксену.

Когда всѣ они пошли, Уляна, видя ихъ серьезные лица, ихъ значительное молчаніе, догадалась, къ чему клонится дѣло и заранее предчувствовала близкую бурю.

Плача украдкой, стала она обтирать лавки и столы, становить ихъ къ окошку, и смотрѣла на уходящихъ, думая о томъ, что будетъ, когда они вернутся. Знала она, что Павлюкъ и Левко скажутъ мужу обо всемъ, но надѣялась оправдаться какънибудь при упрекахъ, не ожидая, впрочемъ, чтобы дѣло обо-

шло спокойно, безъ ругательствъ, гнѣва, а, можетъ быть, и побоевъ. И ей такъ странно было подумать, что ее кто нибудь можетъ бить и ругать!

Въ корчмѣ, между тѣмъ Левко первый началъ:

— Ну, сынокъ, мы стерегли безъ тебя, твою жену, долженъ же ты за то поставить намъ квартиру.

— Хорошо, идетъ и кварта, сказалъ, смѣясь, Оксенъ, — но хорошо ли стерегли ее?

— О! какъ могли, отозвался Павлюкъ: — но, братецъ, кто женщину устережетъ, тотъ на паутинѣ повѣсится.

Оксенъ взглянулъ на него, и стрые глаза его загорѣлись огнемъ.

— А чтожь? спросилъ онъ, стиснувъ зубы.

— Да, вотъ, бѣда у насъ въ домѣ.

— У меня?

— Да. Знаешь ли ты, для чего ты ѣздилъ въ Бердичевъ?

— Ну?

— Для того, что баринъ знается съ твоей женой.

— Баринъ? Что ты бредишь? Нашъ баринъ?

— Да, а чтожь? Она постоянно ходитъ къ нему.

Оксенъ, улыбаясь, сказалъ:

— Что ты заврался? съ ума сошелъ что ли? нашъ баринъ?

— Ну, да, баринъ, сказалъ старикъ Левко: — ужъ мы это сейчасъ послѣ твоего отъѣзда подглядѣли. Съ начала это было, ни то, ни сѣ, но теперь уже Улянъ скверно въ избѣ: ужъ ей скучно, то и дѣло летаетъ къ нему! Напрасно! Что правда, того не скроешь, ходитъ каждый день.

— Говорить, что къ управительшѣ, отозвался старшій Улянъ.

Оксенъ молчалъ.

— О! задамъ же я ей, задамъ, крикнулъ онъ, вскочивъ, — если это правда и всѣ знаютъ!!

— Никто не знаетъ, отвѣтилъ Левко: — мы никому не болтали.

— А ей зачѣмъ же ничего не говорили, зачѣмъ не запретили, зачѣмъ ее не задержали.

— О! коли баринъ себѣ на умъ, всѣхъ разошлетъ: одного туда, другаго сюда, трудно устеречь.

— А видѣли вы ее съ бариномъ? видѣли барина въ избѣ?

— Нѣтъ.

— А! коли такъ, такъ вранье и только злоба людская. Уляна никогда такой не была и не будетъ.

— Ну, а теперь такая, отвѣтилъ живо Павлюкъ: — что мы видѣли, то и скажемъ. Послѣ вашего отъѣзда ходила она въ лѣсъ по грибы, и видѣли ее какъ шла, а потомъ черезъ минутку и баринъ за ней. Я самъ за ней подглядывалъ: когда она ходила къ управительшѣ, входила въ барскій садъ, тамъ пропадала. А

на мызу дорога не чрезъ господскій дворъ. Вчера ночью, старому Улясу занедужилось, просилъ воды, Прыска воду принесла, а Уляну искали въ коморкѣ: тамъ ее не было. Утромъ увѣряла опять, что за ней ночью присылала управительша.

— А можетъ, и впрямъ она? сказалъ Оксенъ.

— Ой нѣтъ, возразилъ Павлюкъ. — Это не то: дитя управляющихъ здорово. У нихъ есть служанка, на что имъ Уляна. Всѣ дворовые видятъ, какъ баринъ перемѣнился. Дворовый Якобъ что-то уже пронюхалъ и смется, какъ только увидитъ Уляну. Даже на мызѣ болтаютъ, и я самъ слышалъ, какъ управительша говорила цырюльнику, что баринъ теперь гораздо веселѣе, и вѣрно ему приглянулась какая нибудь баба въ деревнѣ, потому что ходить куда-то по ночамъ, чего прежде не бывало.

Старый Оксенъ, слушалъ, блѣднѣя, эти рассказы, теребилъ на себѣ свитку и страшно поводилъ глазами.

— Чтobъ она пропала и съ вами ѣмствъ, вскрикнулъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу. Левко, вы не могли ее подстеречь, или побить, такъ, чтobъ пролежала съ полгода! Будто не могли вы сладить съ ней? Нешто нѣтъ палокъ въ плетень, или розогъ въ лѣсу. Нешто вы ей не отецъ, Левко, или вы, Павлюкъ, нешто вы ей не родной братъ? Вы смотрѣли, и ничего не говорили: и давали ей дурить, а теперь, вишь какіе мудрые, все на мою голову валите, будто безъ меня ничего не могли. Да и ты тоже, батюшка: словно и не справишься съ такимъ дѣломъ, словно первинка совладать съ дурной бабой?

— Ну, не кричи, не кричи, произнесъ сурово родной отецъ Оксена: — старъ я и сѣдъ, и знаю что дѣлаю. Я еще не потерялъ головы, чтобы бить и калѣчить бабу, коли я ничего не видалъ и не поймалъ ее. Баба отоврется складно, и намъ надо вѣрить ей, потому что это и лучше. Злой баринъ страшный волка, видалъ я на свѣтѣ побольше вашего, помню какъ бывало... А хочешь ли правды? Еслибъ и такъ было, тебѣ, сынокъ, надо молчать и терпѣть, не то бѣда будетъ. Въ ручку еще поцѣлуй женку, поклонись ей! Бѣда будетъ, говорю тебѣ.

— Бѣда будетъ! Мнѣ! сказалъ гончаръ, сильно хмѣля: — нешто я боюсь? А что онъ мнѣ сдѣлаетъ? Убить не убьетъ. Что онъ мнѣ сдѣлаетъ?

— Ой! ой! какой ты смѣльчакъ, отвѣтилъ отецъ: — словно жидъ передъ собакой на привязи. А какъ пришлось бы терпѣть, такъ бы сказали, какъ я: надо сносить и терпѣть.

Левко и Павлюкъ, уже хорошо подпившіе, прервали его:

— Ой! ужъ, батяка, ты вкривъ толкуешь; что же это ты хочешь, чтobъ мы кормили чужихъ, кукушкиныхъ дѣтей, сносили позоръ въ домъ? Нешто нельзя съ этимъ справиться? Что изъ того, что онъ баринъ, но вѣдь и я человѣкъ, и у меня ру-

ки такія же какъ у него; нешто нѣтъ зелья въ лѣсу и огня въ печи.

— Ой! это вы дурное говорите, сказалъ опять старикъ. — Сохрани Господи, кто услышитъ?

Оксенъ соскочилъ со стола и схватилъ палку.

— Пойдемте въ избу! вскричалъ онъ: — я не выдержу, у меня руки чешутся ее одуть, чтобы годъ лежала. Я ей этого не спущу.

Павлюкъ отозвался:

— Завтра, чтобы баринъ не узналъ, скажемъ, что упала съ лѣстницы.

А Левко бормоталъ:

— Лучше я самъ ее отколочу, потому что я отецъ, и мнѣ баринъ за это ничего не сдѣластъ. Ты же, Оксенъ, коли спина у тебя не чешется, самъ ее не трогай, потому что самъ чортъ не устережетъ бабу; баринъ узнаетъ и будетъ худо.

Но Оксенъ не слушалъ и шелъ къ дверямъ, а другіе за нимъ; только старикъ отецъ еще тянулъ его за рукавъ.

— Постой, Оксенъ, постой, потолкуемъ-ка еще; не торопись, палка не убьжитъ, и женка своего дождется: отложи до завтра.

— Я не выдержу.

— Присядь-ка еще, вотъ тутъ, садись же. Пане арендаторъ, дайте-ка еще квартиру на мой счетъ.

Оксенъ, при рвѣчїи о квартирѣ, вернулся и сѣлъ, и остальные также отошли отъ дверей.

— Не горячись, сынокъ, постой, надо иногда послушать и стараго. Оставь ты палку и молчи. Лучше поймать Уляну на чемъ нибудь другомъ, и будто за то и поколотить, говорилъ Улясъ.

Левко перебилъ его:

— Да вѣдь она мнѣ родная дочь, а я ее не жалю, что же тебѣ ее жалѣть? Развѣ стоитъ она того, коли сама себя не жалѣетъ!

— Да вѣдь и я не ее жалю, сказалъ старикъ, — а роднаго сына: что онъ ей дастъ, то отдадутъ ему сторицею; не тронь злой собаки, и не дразни барина, коли хочешь быть здоровъ. Ты ему разъ, онъ тебѣ сто; ты ему два, а онъ тебѣ тысячу. Станемъ теперь стеречь Уляну: чорта съестъ, коли насъ обманетъ, а по моему.... Тутъ старикъ остановился и покачалъ головой. — Да что мнѣ совѣтовать, вы меня не послушаете...

Въ это время арендаторша подала водку, и началась церемонія подчиванія.

Налили рюмку, подчивающій дополнилъ ее, пожелавъ:

— Добраго здравія вамъ.

— И вамъ, батюшка. До васъ.

— До васъ.

И кланялись они другъ другу, и понемногу прихлебывали, а Левко бормоталъ:

— Хотите, чтобы я вамъ сказалъ, можетъ быть вы не помните? Тоже самое было и съ моей, пока была она молода. Весь дворъ бѣгалъ за ней, и покою небыло; такъ я одному кучеру такъ спину вписалъ, а жену такъ отколотилъ, что послѣ боялась своей тѣни, и такая сдѣлалась скромная, что ни на кого и не смотрѣла даже.

— Ой! да вѣдь, сказалъ старикъ, — иное дѣло съ кучеромъ, иное дѣло съ бариномъ. Ворона—не ястребъ. Вы меня послушайте, видѣлъ я много, вотъ не далеко и отсюда...

Павлюкъ прервалъ его:

— О! да ты, батюшка, радъ все спустить, а кабы мужъ да не наказывалъ бы жены, такъ они бы намъ волосы съ головы повыдергали. За что это станемъ мы чужихъ дѣтей кормить? И что ему сдѣлаетъ баринъ за то, что онъ побьетъ жену свою?

— Ну, ну, слушай только, слушай: вотъ не далеко отсюда, съ милою, около Олыки, знаете корчму на дорогѣ, у деревни Сильной, гдѣ попъ-то убится, еще ему памятникъ поставили у дороги?

— Ага! у дороги?.. были мы тамъ, какъ вѣхали съ житомъ.

— Ну, такъ въ этой деревнѣ, давно уже, еще при отцѣ моемъ, былъ баринъ; деревня эта была княжеская, Радзивилловская; но онъ отдавалъ ее тамъ кому-то въ аренду, и довольно того, что тамъ былъ баринъ. И сошелся онъ съ женой мужика, а мужикъ видѣлъ это: чтожъ ему было дѣлать? Прибилъ жену. На другой день его въ колодки, и засадили на хлѣбъ, да на воду; поблѣднѣлъ онъ, словно хворалъ, просидѣвъ такъ четыре недѣли. Стали люди просить барина: выпустили его. Онъ, только что жена попала въ глаза, опять къ ней. Баринъ его опять на хлѣбъ, да на воду, да и продержалъ такъ полгода. Ну, ужъ не знаю какъ тамъ, только выпустили его потомъ. Дня черезъ два вечеромъ, глядь, а господскій домъ горитъ, а вѣтеръ былъ на гумнѣ, загорѣлись и конюшни, да и хлѣва. Ой! баринъ въ слезы, и руки ломаетъ; а на другой день мужика опять въ колодки. Навѣхало слѣдствіе стали молодецъ пытаться, спрашивать, притащили попа, мучили его, пока наконецъ самъ по доброй волѣ не сознался. Пошелъ молодецъ въ кандалы, а жена во дворъ. Ну, какъ же тебѣ кажется, Оксень: не лучше ли было терпѣть и молчать? Ну, и чтожъ дѣлать, коли такая наша доля; нешто ты первый, что ли? Или это у тебя одного?

— Онъ самъ глупъ; чтожъ онъ поджегъ, да не убѣжалъ?

— Ой! ой! да куда ты нынче убѣжишь, завтра же тебя поймають, возразилъ старикъ. — Что ты думаешь, нынче, какъ

прежде: убьешь за сто миль, такъ и то поймають. Бѣда! а чтожъ? надо молчать и терпѣть.

— А вы что скажите, братишка, и вы Левко, какъ вамъ кажется?

— Ты таки прибей жену, ничего тебѣ не будетъ, и хорошенько прибей, чтобы недѣли двѣ пролежала на печи. Что тебѣ сдѣлаетъ баринъ? Пойдемте, пойдемте!

И они собрались выйти, дверь скрипнула и отворилась: въ дверяхъ показалась Уляна.

Увидѣвъ ее, въ одну минуту всѣ прикусили язычки. Оксенъ поднялся съ лавки, дрожа отъ гнѣва.

— Не бейте ее въ корчмѣ, сказалъ Левко, потому что сей-часъ донесутъ во дворъ.

— Ужинъ готовъ, идите домой, сказала Уляна дрожащимъ голосомъ, притворяясь, что ни о чемъ не догадывается, хотя слышала за дверью часть разговора.

— Ну! какъ-то ты меня ждала, сказалъ Оксенъ, слѣдуя за ней. — И кто тебѣ помогаль меня ждать? И не скучала-ли безъ меня?

— Какъ же не скучать?

Оксенъ трясся отъ злости, и наконецъ, отойдя уже отъ корчмы, и видя, что товарищи его далеко отстали, кинулся на Уляну.

— А хорошо тебѣ было съ бариномъ забавляться, а?

— Что? что ты городишь, за что ты меня бьешь? крикнула Уляна. Чего ты отъ меня хочешь?

— А ты зачѣмъ къ барину бѣгаешь, отчего ночи не спишь? Что тебѣ дворовый хлѣбъ по вкусу пришелся и барскіе подарки? Научу я тебя уму-разуму.

И билъ онъ несчастную, которая, вырываясь, кричала громко:

— Помогите, помогите, онъ хочетъ меня убить!

Прибѣжалъ Левко и Павлюкъ и старый Улясъ, схватили Оксена и оттащили.

— Что ты одурѣлъ, шумъ на улицѣ заводить и будить людей, чтобы всѣ узнали твой позоръ? Мало тебѣ, что тебя изъ избы слышать. Хочется тебѣ, чтобы поскорѣй и баринъ услышалъ.

— Да, хочу! отвѣтилъ остервенившійся Оксенъ, — убить и ее, и его.

— Молчи, крикнулъ Улясъ, — молчи, ради Креста Господняго, погубишь насъ всѣхъ. Хочешь своего и нашего несчастія?

Уляна, между тѣмъ, въ слезахъ, избитая, окровавленная, убѣжала въ сестрину избу.

Тамъ, какъ на бѣду, была вечерница; нѣсколько старыхъ бабъ сидѣло у огня, нѣсколько женщинъ пѣло за пряжею, а дѣти прыгали по избѣ. Отворивъ дверь и увидя ихъ, Уляна воротилась и только позвала сестру.

— Марія, подь-ка сюда.

Та, узнавъ Уляну по голосу встала изъ-за прялки и вышла къ ней. За ней выбѣжали и другія любопытныя бабы, а за ними и мужики, но они не слышали, что шептала сестра сестрѣ, и напрасно спрашивали другъ друга:

— Чего это она хочетъ? Отчего не вошла она въ избу?

Видя въ этомъ какую-то тайну, мужики вернулись въ избу, плести ланты и щепать лучину. Одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Чего это Уляна прибѣжала?

— Оксентъ сегодня вернулся, сказалъ другой, — ужъ не побилизъ ли ее?

— Ага! прибавилъ третій, — и есть за что; ой, знаю и я что-то, знаю.

— Будто и мы не знаемъ, замѣтили другіе. — Не утаится барская любовь, какъ котъ въ кладовой.

— Нечего толковать, коли не видѣли.

— Кабы не видѣли.

— А что?

— Да что, лучше молчать!

Между тѣмъ, въ сѣняхъ, Уляна со слезами просила сестру, чтобъ она спрятала ее отъ мужа. Надѣялась она найдти въ ней участіе, но ошиблась. Сестра Уляны, Марія, была также красавица, и когда-то дворовая: далеко однако-жъ не такая, хоть и не менѣе красивая. Она ужъ знала, что дѣлалось, и завидовала сестрѣ, потому что мужъ ея былъ калѣка, который смотрѣлъ и ничего въ избѣ не видѣлъ, кромѣ миски на столѣ, по этому она была бы рада, кабы баринъ приволокнулся за ней. По этому, очень холодно приняла она плачъ и жалобы сестры.

— Мужъ меня прибилъ, говорила Уляна, — и станетъ еще бить, какъ поймаетъ. Онъ напился въ корчмѣ, и привязался.

— Ну, такъ чтожъ? отвѣтила сестра, — пли у тебя самой нѣтъ рукъ, чтобъ отплатить ему?

— Да вѣдь онъ не одинъ.

— А за что же они къ тебѣ привязались? спросила Марія, притворяясь, что ничего не знаетъ.

— Ахъ! развѣ я знаю!

— Неужто не знаешь?

— Какъ, чай, не знать? прибавила одна старуха, качая головой, — коли и мы ужъ знаемъ.

— Это вѣрно за то, что ты безпрестанно во дворъ ходила?

— Развѣ я ходила, развѣ можно не идти, когда требуетъ управительша?

— Ужъ ты все къ управительшѣ ходишь, прервала ее старуха, — а между тѣмъ я тебя на мызѣ никогда не вижу: мало ли я тамъ ночей ночевала?

И старыя бабы стали между собой толковать, шептаться, а Уляна стояла и плакала, закрывая лицо концомъ измятаго фар-туха. Въ воротахъ слышались голоса Оксена и Павлюка. Бѣд-ная женщина кинулась по лѣстницѣ на чердакъ, а бабы верну-лись въ избу.

— Добрый вечеръ, сказали Оксенъ, переступая въ эту ми-нуту порогъ,—а не было здѣсь моей Уляны?

— Была, да ушла, отвѣтила поспѣшно ему старуха.

— Когда? Давно?

— Вотъ, только что была, что-то потолковала съ сестрой, да и пошла.

— Точно пошла?

— Да ужъ точно. Крестъ на мнѣ, что пошла. А вы что же, ее ищите? прибавила старуха, подперевъ рукой подбородокъ.

— Такъ, домашнее дѣло, отвѣчалъ Оксенъ, — пойду, поищу ее. Ты здѣсь останься, Павлюкъ, и стереги ее хоть до блага дня. Можетъ быть, она спряталась гдѣ нибудь.

— Не бойся, отвѣтилъ Павлюкъ,—ужъ я не отойду.

— Такъ взойдите же въ избу, отозвалась ему Марія, сестра Уляны.

— Нѣтъ, я себѣ тутъ посижу на завалинкѣ и постерегу.

Бабы ушли за брошенныя прѣлки, но уже не плели. Муж-чины, молча, плели лапти.

Прошло много времени, пока первая пѣсенница затянула опять заунывную пѣснь, къ которой мало по малу пристали голоса всѣхъ, сначала тихіе, потомъ все громче, будто невольно вы-рывающіеся изъ сдавленной груди.

Ахъ! зачѣмъ же прежде я не знала,
Что въ родительской избѣ мнѣ больше не сидѣть;
Надо съ садомъ и съ цвѣтами распроститься,
Мнѣ изъ нихъ вѣнка ужъ не плести.
Я одинъ вѣнокъ сплела,
Да и тотъ не надѣвала,
И какъ былъ одинъ, его я Янкѣ отдала.
И зачѣмъ я садъ не раскопала.
Пусть по немъ прошли бы кони вороные,
Притоптали-бъ мои цвѣтики живые.

Вся эта длинная пѣснь, и другая, и третья, которыя послѣ-довали за ней, были повтореніемъ грустныхъ дѣвичьихъ мыслей, а напѣвъ ихъ, словно тихій плачъ, раздавался въ избѣ.

IX.

Между тѣмъ, Тадеушъ выглянулъ на дворъ и, замѣтивъ бер-дичевскія подводы, возвращенія которыхъ не ожидалъ такъ ско-ро, закусилъ губы и нахмурился.

— Ужъ вы воротились? спросилъ онъ управляющаго.

— А чтожъ? нельзя было раньше, отвѣтилъ панъ Линовскій, покручивая длинные усы.

— Ну, ну, идите же разберитесь, а потомъ ко мнѣ.

И онъ захлопнулъ двери. У него не достало присутствія духа говорить болѣе съ управителемъ. Упавъ на диванъ, онъ невольно спросилъ себя:

— Что теперь будетъ?

Что-то страшное, казалось ему, рушилось на него. Никогда еще не чувствовалъ онъ такъ сильно своей безумной привязанности, никогда такъ сильно не сознавалъ онъ ни одного несчастія, какъ теперь. Въ глазахъ у него зарябило. Онъ вставалъ, ходилъ и думалъ. А на дворъ уже смеркалось, и весенній вечеръ заглядывалъ въ окно. Ему душно было въ комнату, глаза у него напухли, дрожь пробѣгала по всему тѣлу.

Тадеушъ выбѣжалъ въ садъ; здѣсь онъ увидѣлъ мѣста своихъ вечернихъ свиданій съ Уляной и повернулъ къ озеру. Тамъ, на вечернемъ небѣ, явнѣющемъ еще зарей заката, дымились деревни и изба Уляны.

— Будь благоразуменъ, сказалъ онъ самому себѣ, — что же такого страшнаго, такого неожиданнаго случилось, онъ ничего не знаетъ, ты будешь съ ней, какъ прежде, видаться.

Толкуя себѣ такимъ образомъ, онъ все-таки чувствовалъ? что должно что-то случиться. Самое присутствіе мужа дѣлало его положеніе несноснымъ: дѣлится тѣмъ, что называлъ онъ своимъ счастьемъ, было адскимъ мученіемъ, и лучше во сто разъ было ничего не имѣть, чѣмъ дѣлиться и еще съ кѣмъ же!

Онъ, который окружилъ свою Уляну поэтической ореолой, который ознакомилъ ее съ своими мечтами, который пробудилъ въ ея душѣ спавшую мысль, какъ ужасно страдалъ онъ, когда между ними двумя, въ эту короткую жизнь, но уже полную свободы, полную таинственности и прелести, протянулась черная рука мужика, отрывающая ихъ другъ отъ друга и далеко расталкивающая.

Разсуждая такъ, Тадеушъ тащился по берегу озера въ безмятежствѣ и поглядывая то на вечернее небо, уже начинающее украшаться блѣдными звездочками, то на деревеньку, гдѣ, сквозь черныя, низкія, закопченныя избы, видѣлъ свою Уляну. Онъ шелъ по берегу озера, самъ не зная, что дѣлаетъ; по временамъ только вздрагивалъ конвульсивно, когда неожиданный шелестъ прервалъ его думы.

То были или летящія надъ головой дикія утки, или ползущая въ тростникъ водяная змѣя, или птичка, имъ же спуганная съ ночлега, или опять перелетное дуновеніе вѣтерка, который трогалъ сухой тростникъ и кустарникъ и падалъ гдѣ-то у льса.

Тадеушъ ничего не видѣлъ, ничего не замѣчалъ: одна только

мысль о собственномъ положеніи занимала его. Оксентъ возвратился, ее ужъ нельзя видѣть каждый день; чудныя ночи, когда онъ при блескѣ луны глядѣлъ въ ея глаза, столь полныя выраженія, такъ много говорящія въ молчаніи, и эти ночи ужъ кончены, прерваны.

Этого не могъ допустить Тадеушъ, не могъ этому повѣрить.

— Хоть бы мнѣ, не знаю что, пришлось сдѣлать, она должна быть моею, а безъ нея не могу жить. Этотъ мужикъ — я долженъ отъ него отдѣлаться. Она стоитъ того. Онъ осмѣливается теперь коснуться до нея. Онъ обнимаетъ ее сегодня, а я завтра! Мнѣ дѣлиться съ нимъ! Никогда! никогда! я отдѣляюсь отъ него... сегодня... завтра...

И словно помѣшанный, разсуждая такъ съ собой, онъ дошелъ до самой корчмы. Тамъ слышались голоса. Задумчиво прислонившись къ забору, Тадеушъ нѣсколько разъ слышалъ свое имя, произносимое мужиками. Онъ подошелъ къ окну и сталъ вслушиваться внимательнѣе.

Это была именно минута, когда мужики разсуждали о наказаніи Уляны. Тадеушъ выслушалъ все, но съ первыхъ же словъ кровь бросилась ему въ голову, волосы поднялись, онъ ударилъ себя по лбу и едва не упалъ.

Онъ знаетъ... они знаютъ... подумалъ онъ, — всѣ... вся деревня... Несчастная! Что дѣлать?

По мѣрѣ того, какъ онъ слушалъ разговоръ и угрозы, гнѣвъ его возрасталъ, неоспоримая жажда мщенія заступала въ сердце его мѣсто любви и грусти. Еслибъ было можно, онъ кинулся бы на мужиковъ, но какая-то невидимая сила приковала его къ мѣсту: онъ не могъ пошевелиться, и только грудь его подымалась тяжело и часто, а дрожащая рука сжимала крѣпко палку и весь онъ обливался холоднымъ потомъ.

Невозможно разсказать, что происходило въ эти минуты въ головѣ его. Тысячи замысловъ мщенія промелькнули въ ней, тысяча средствъ отдѣлаться отъ этихъ людей, и ни разу не пришло къ нему сознаніе собственной вины.

До сихъ поръ Тадеушъ не былъ еще злодѣемъ, и скорѣе можно было его назвать только помѣшаннымъ, но въ эту минуту изступленія голова его палилась кровью и омрачилась мыслью о страшныхъ преступленіяхъ. Онъ боролся съ любовью, гнѣвомъ, жаждой мщенія, отчаяніемъ, негодованіемъ и не удивительно, что на поверхность этихъ волнъ всплывали ужасныя мысли, отъ которыхъ онъ самъ содрогался, а отдѣлаться не могъ.

Ужасно было это получасовое мученіе, подъ окномъ корчмы, проведенное въ остолененіи и злобѣ; когда наконецъ, крестьяне первый разъ собрались выходить, Тадеушъ отскочилъ въ бли-

жайшія заросли надъ озеромъ, и самъ не зная, что дѣлать, го-
нимый тѣмъ же самымъ безпокойствомъ, которое привело его и
сюда, онъ пошелъ быстро, не умѣя даже рѣшиться на что нибудь
положительное, не зная, какъ сладить съ мыслями горячими, но
не идущими къ дѣлу.

Ужъ онъ брался за ручку двери, когда услышалъ голоса въ
передней. Онъ остановился опять въ безпокойствѣ.

Якобъ говорилъ съ паномъ Линовскимъ:

— О! сильно переѣнился, говорилъ Якобъ, и это такъ ско-
ро, неожиданно.

— Ну, да вѣдь онъ теперь не хуже?

— О! нѣтъ! еще лучше, отвѣчалъ Якобъ теперь ему хотѣ колъ
на головѣ теши... Охотится на дикую козочку, и я даже знаю
на какую, прибавилъ онъ смѣясь.

— Ну?

— Или вы не догадываетесь, кто здѣсь въ деревнѣ краснѣе
всѣхъ? На которую и вы острили зубы и еслибъ не жена....

— А, а! это вы говорите объ Улянѣ. Не дурио выбралъ.
Но вѣрно ли это?

— Вѣрно ужъ, коли я говорю. Прошу табачку. Хорошъ.

— Панскій.

— Такъ цѣлый свѣтъ знаетъ уже объ этомъ: сказалъ про себя
съ гнѣвомъ Тадеушъ и быстро вошелъ въ переднюю.

Разговаривающіе смѣшались, табакерка спряталась; онъ сдва
кинулъ на нихъ взглядъ.

— Пане Линовскій, завтра дашь мнѣ счетъ. Якобъ, огня! ска-
залъ онъ и прошелъ.

— Баринъ что-то сердить, шепнулъ Якобъ, пряча табакерку
въ карманъ.

— Мужъ воротился, сказалъ управляющій; но я помогу это-
му дѣлу; сейчасъ я его опять отправлю къ чорту, расположе-
ніе духа поправится, я ужъ знаю, какъ ему угодить!

Цѣлую ночь Тадеушъ думалъ только объ одномъ, какъ бы
отдѣлаться отъ мужа, какимъ бы средствомъ сдѣлать эту жен-
щину своею и навсегда. Въ разстроенную голову его приходи-
ли мысли, одна другой нелѣпѣе и неудобноисполнимѣе. То онъ
хотѣлъ страшно мстить мужикамъ, то опять думалъ подкупить
ихъ кротостью, зажать имъ ротъ деньгами; то наконецъ выр-
вать ее и убѣжать далеко. Но все это были мысли, летающія
въ головѣ и мелькающія тамъ, какъ ласточки по небу: ни од-
на изъ нихъ не сѣла въ гнѣздо.

Они кружились, однакожъ, въ мозгу безъ усталы, пока далеко
за полночь горячешный сонъ не сомкнулъ вѣкъ, продолжая тѣ
мученія, которыя испыталъ Тадеушъ на яву.

Его пробудило утро и щебетанье птицъ подь окномъ. Едва почувствовалъ онъ себя въ дѣйствительной жизни, и дневной свѣтъ открылъ ему глаза, вдругъ пришло ему на память все вчерашнее, и положеніе его уяснилось. Самый страстный человѣкъ бываетъ не таковъ днемъ, какъ ночью. Неоспоримая правда, что впечатлѣніе дневнаго свѣта умѣряетъ наши чувства и мысли, присоединяя къ нимъ стыдъ.

Разсудокъ говоритъ сильнѣе днемъ; страсти слабѣютъ, чело-
вѣкъ остываетъ.

Рѣдко совершаются преступленія днемъ; въ трезвомъ разсуд-
кѣ рѣдко при свѣтѣ солнца буйство; зато ночь—мать чудесныхъ
предпріятій, исполнскихъ намѣреній и любовныхъ мечтаній.

Совершенно уже иначе и далеко холоднѣе глядѣлъ Тадеушъ
на свое положеніе днемъ. Онъ созналъ себя бариномъ, созналъ
Уляну своею подданною, свою силу и ихъ слабость. Онъ на-
чалъ разсуждать.

— Одно изъ двухъ, сказалъ онъ, — или открыто, въ виду
всѣхъ, отнять ее у мужа, или окружить себя тайною, такъ,
чтобъ ее не проникли; чтобъ то, что уже знаютъ люди, пока-
залось всѣмъ ложью. Это, однакожъ, не возможно, ну, такъ пер-
вое. Первое также трудно и опасно. Что же начать? думалъ онъ.

И голосъ изъ глубины говорилъ ему тихо:

— Ждать, ждать! можетъ быть, что нибудь и перемѣнится,
можетъ быть, что нибудь и подастъ тебѣ мысль.

А неумолимый разсудокъ прибавилъ въ первый разъ:

— Можетъ быть, тебѣ надоесть, и ты бросишь.

Проснувшись въ такомъ настроеніи мыслей, Тадеушъ прика-
залъ Якобу приготовить все къ охотѣ, надѣясь этимъ побѣгомъ
изъ дому, по прежнему, обморочить людей и самому разсы-
яться.

Онъ отправился съ собаками въ лѣсъ, вовсе не думая объ
охотѣ, и невольно, мало по малу, перешелъ опять къ той горячеш-
ной и страстной бурѣ, которая кипѣла въ немъ вчера вечеромъ.

X.

На другой день, ровно съ разсвѣтомъ, Уляна воротилась отъ
сестры въ избу. Мужъ, отецъ и братъ спали. Она, оказалось,
отважилась на все, ничего не боялась и принялась за работу.

— Не убьетъ же онъ меня,—сказала она сама себѣ,—а хотъ
бы и убилъ? тѣмъ лучше. Такъ должна кончиться любовь, которой
научилъ меня мой соколъ. О! стоитъ умереть, отвѣдавши такой
жизни, потому что коротко было счастье, но велико.

И слезы покатились у ней изъ глазъ, когда она взглянула на
своего младшаго ребенка, спящаго въ колыбели.

— Я и дѣтей теперѣ люблю меньше. Прежде дѣти были мое

сокровище, а теперь!—теперь я думаю о нихъ только тогда, когда ихъ вижу, словно чужія мнѣ. Бѣдныя дѣтки, не стало уже матери, сироты вы и при ея жизни. Кто васъ будетъ кормить? кто васъ будетъ нянчить? кто васъ будетъ любить? Не я, не я! я уже не ваша, оторвало меня на чужую сторону, гдѣ сладко жить, и хотя бы и умереть, — оторвали отъ васъ! Я мать ваша и не ваша ужъ, чужая! барская невольница! на вѣки вѣковъ!

Въ эту минуту раздался сильный храпъ мужа, котораго начиналъ будить свѣтъ отъ лучины. Уляна вздрогнула, но только на минуту, потому что вдругъ откуда-то—съ отчаянія явилась въ ней смѣлость.

— Что-жъ? — сказала она самой себѣ, — буду обороняться; Марья бьетъ-же вѣдь, своего.

Но скоро она опять опустила руки.

— О! чтожъ это за жизнь? — подумала она, — драться и ругаться. Отчегожъ не всегда такъ, какъ съ нимъ, съ моимъ соколомъ, сладко какъ въ раю. Когда говорить онъ, словно медъ течетъ съ устъ его; когда сидитъ со мной, кажется мнѣ, что уже ничего больше не надо: и вѣсть и пить забудешь, и холоду не чувствуешь, и бури не заметишь; смерть пришла бы, и той бы не почувствовала. Вернешься въ избу, сердце сжимается, хоть дѣти тебя встрѣчаютъ, хоть это твоя изба. О! не тутъ ужъ моя жизнь! О! чудная господская любовь, но зачѣмъ минуетъ она какъ молнія, и послѣ нея такъ тяжело жить?

Въ эту минуту проснулся мужъ, и Уляна подошла къ печкѣ.

— Эй! Уляна, — отозвался Оксенъ.

— Чего надо? — отвѣтила она смѣло.

— А ужъ, ты тутъ, — сказалъ старикъ, — пришла таки въ избу. Гдѣ жъ ты была, какъ мы искали тебя до полночи?

— Убѣжала, потому что ты билъ меня.

— Я еще и сегодня побью.

— Такъ ты еще не отрезвился?

— Буду я трезвый, такъ покажу тебѣ, что умью.

— Тогда увидишь, что и я съумью тоже самое!

— Что ты тамъ говоришь, вѣдьма?

— А то, что какъ ты мнѣ, такъ и я тебѣ.

Оксенъ вскочилъ и схватилъ стоящую подлѣ него палку; Уляна отскочила и взялась за топоръ. Замѣтивъ это, мужъ одумался и сказалъ:

— Это что, или думаешь еще обороняться? или ты не знаешь?

— По чѣмъ мнѣ знать, съ чего ты ошалѣлъ въ дорогѣ.

— Ты хочешь, чтобъ я сказалъ тебѣ! зачѣмъ ты ходишь во дворъ?

— А хотѣ бы и ходила.

— Ты мнѣ еще говоришь это.

— Да, потому что не боюсь тебя: ты меня не тронешь пальцемъ, коли не хочешь самъ пропасть за грошъ.

Слова эти она высказала съ убѣжденіемъ, съ гордостію, съ гнѣвомъ, которыя смѣшали мужа; онъ поставилъ палку, упалъ на постель, гдѣ спалъ, и подумалъ :

— Она готова погубить меня, лучше бросить ее, какъ говорилъ старикъ, и потихоньку отмстить барину: крыши соломенные!—И онъ прибавилъ:

— Ну, ну! найдемъ мы расправу и посмотримъ, на чьей сторонѣ правда и чья возьметъ.

Уляна, словно ничего не слышала, ушла въ каморку, и начала заниматься хозяйствомъ, какъ и всегда. Оксенъ, удивленный ея смѣлостію, молчалъ, самъ не зная, что начать. Наступилъ уже день и всѣ въ избѣ встали, а онъ лежалъ еще въ углу, пока старикъ отецъ не разбудилъ его, крикнувъ:

— Оксенъ, вставай, за дѣло. Войтъ наказывалъ съ подводой въ Луцкъ!

— Да вѣдь не мнѣ, я вчера только съ дороги.

— И тебѣ, и всѣмъ, у кого есть лошади, потому что это подѣ солдатъ, это не барщина, а дѣло казенное, царское.

— Я не поѣду.

— Поѣдешь, Оксенъ, поѣдешь. Ужъ я сладилъ тельгу и задалъ лошадямъ кормъ.

— Такъ ты самъ повзжай, батюшка, коли надо. Я только что съ дороги, дай отдохнуть.

— Мнѣ вѣрно на плотничью работу съ топоромъ.

— Такъ я пойду за тебя.

— Ой, нѣтъ, управляющій прямо указывалъ мнѣ идти. Ты знаешь, каковъ онъ.

Оксенъ ворчалъ, но что дѣлать? надо было слушаться; онъ сталъ собираться.

— А на много ли дней взять съ собой хлѣба?—спросилъ онъ отца.

— Не знаю,—сказалъ старикъ, пожимая плечами,—говорятъ, что, можетъ быть, пробудете тамъ и съ недѣлю.

— Сто чертей имъ... вскрикнулъ Оксенъ,—съ недѣлю—не поѣду. Какъ я опять оставлю эту ведьму.

— А чтожъ? Такъ, какъ и прежде,—сказалъ спокойно Улясъ,—такая ужъ доля. Лучше оставь се, вѣдь не ты первый и не ты послѣдній. Голова у тебя съ плечъ не свалится, а увидишь, какое у тебя въ избѣ будетъ довольство. Коли былъ бы ты умнѣе, пилъ бы себѣ, вѣлъ, распускалъ поясъ и изъ подтишка посмѣивался.

— Хорошо тебѣ толковать,—отвѣтилъ Оксенъ,—а я какъ вспомню объ этомъ, такъ у меня кровь кипитъ.

— Такъ всегда сначала, — сказалъ равнодушно старикъ, — хочешь покоя, такъ забудь объ этомъ. Пусть себѣ дѣлаетъ, что

хочетъ; а какъ станешь сопротивляться, я тебѣ говорю—будетъ худо.

Въ эту минуту съ улицы послышался голосъ Войта, склавшаго на барщину. Оксенъ выбѣжалъ изъ избы.

— Добрый день пану Войту.

— Добрый день. Отправляйтесь въ Луцкъ.

— Но я вчера только воротился.

— Такъ приказано.

— Такъ пускай хоть старикъ останется дома.

— Ой, нѣтъ! Старикъ на плотничью работу, Прыска—полоть, Павлюкъ—съ волами на пашню, а ты—съ лошадьми подъ солдатъ.

— Замучатъ они насъ—сказалъ Оксенъ, похрустывая и воротился въ избу.

— Что, не говорилъ ли я тебѣ? бормоталъ старикъ—вотъ молчалъ бы, тебѣ бы было лучше.

— Посмотримъ, — сказалъ Оксенъ.

— Посмотришь, — пробормоталъ Улясъ.

Солнце поднялось уже надъ черной каймою лѣса, опоясывающаго каждый видъ въ Польсѣ. Оксенъ, захвативъ хлѣба, надѣвъ на себя на всякій случай двѣ свитки и привязавъ къ колесу тельги торбу, закурилъ, ворча, трубку, и не прощаясь съ женой, съѣлъ, наконецъ, на тельгу, стоявшую уже у воротъ.

— Сто чертей имъ... пусть себѣ дѣлаютъ, что хотятъ—сказалъ онъ про себя — я таки когда-нибудь отомщу. Не я первый, говоритъ старикъ, и не я послѣдній.

Въ эту минуту встрѣтились съ нимъ на улицѣ Левко и Павлюкъ, которые, съ трубками во рту и топорами на плечахъ, о чемъ-то перешептывались.

— Добрый день. А гдѣ Уляна?—спросилъ Левко.

— Въ избу.

— А чтожь?

— Ничего.

— И ты ей спустилъ?

— Хорошо еще, что она мнѣ спустила; вѣдь она на меня было бросилась, такъ загордилась. Чортъ съ ней теперь справится. Пусть дѣлаетъ себѣ, что хочетъ, придетъ и моя очередь. Сто чертей....

Левко покачалъ головой.

— А ты опять ѣдешь?

— Чтожь дѣлать, коли гонять.

— Ну, такъ мы станемъ глядѣть за ней, — сказалъ Левко.

— Я ее подстерегу, — прибавилъ Павлюкъ.

— Сто чертей! крикнулъ Оксенъ, плонувъ, — пусть теперь дѣлаетъ, что хочетъ, оставьте ее.

— Чтожь это, Улясъ тебя уговорилъ?

— Не Улясъ, но самъ я разсудилъ. Не я первый, не я послѣд-

ній, да и не съ бариномъ воевать. Дамъ я имъ знать: когда они и не ждуть, отплачу свое. Теперь чортъ съ ними. Напрасно не стерегите, не углядите, ужъ на то пошло; положитесь въ остальномъ на меня, я хозяинъ, моя бѣда—моя потеря, моя и забота..... я и средство выдумаю.

Говоря такъ, онъ качалъ головой: въ голосъ его слышалось затаенное до времени мнѣніе и уступка безсилія противъ силы.

— Ну коли ты такъ говоришь, такъ это дѣло другое, — сказалъ Левко. Коли ты, Оксенушка, такъ разсудилъ, такъ намъ какое дѣло. А можетъ статься, тебѣ и лучше будетъ: баринъ поможетъ. Только глаза затвори, не замѣтишь, какъ у тебя всего прибудеть. Такъ вѣдь говоритъ и Улясъ. Твое добро, твоя воля—пусть такъ.

— Будьте здоровы,—сказалъ Оксенъ и, молча, пустилъ лошадей.

XI.

Когда мужъ выѣхалъ изъ дому, Уляна опять почувствовала себя свободно и легко замѣтила, что не простой случай устроилъ такъ внезапно одну повѣзку послѣ другой. Но отуманенная, видя уже ясно, что тайна ея извѣстна всѣмъ, чувствуя себя счастливою, забыла легко и стыдъ, и угрозы мужа, и будущее.

Женщина эта, какимъ-то чудомъ сохранившаяся до сихъ поръ чистою среди испорченности, въ первый разъ охваченная атмосферою незнакомаго ей наслажденія, такъ сильно почувствовала въ себѣ страсть, что ради ея смогла на все смотреть равнодушно и всѣмъ пренебречь. Незнакомая ей дотоле смѣлость, которую въ первый разъ почувствовала она въ это утро, уже болѣе не покидала ее.

Она пѣла, весело вертѣлась около своего хозяйства, а мыслью была совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ.

Даже дѣти не пробуждали въ ней, какъ прежде, материнской привязанности; часто плачь ихъ доходилъ до ея ушей, но не отдавался ей въ сердце. Она смотрѣла на нихъ равнодушно, холодно, цѣловала ихъ какъ прежде, но думала уже объ иныхъ поцѣлуяхъ, объ иной любви.

Тадеушъ, между тѣмъ, пошедшій на охоту, сердитый, самъ не знавшій, что съ собой дѣлать, вернулся домой съ тѣми-же мыслями, только еще больше измученный, еще болѣе неспокойный. Раньше обыкновеннаго вельѣлъ онъ вернуть собакъ и охотниковъ, ибо, хотъ и не было у него надежды увидѣться съ Уляной, но онъ разсчитывалъ на случай и какъ бы предчувствовалъ, что увидить ее, хотъ и не понималъ, гдѣ и какъ, и хотѣлъ быть по крайней мѣрѣ, поближе къ ней.

Едва стало смеркаться, Тадеушъ отворилъ стеклянную дверь въ садъ, который спускался по наклону пригорка до самаго озера и тихонько побрелъ.

Въ эту самую минуту мѣсяцъ вышелъ изъ-за тучъ и засвѣтилъ на небѣ. Въ деревнѣ мычалъ скотъ, скрипѣли возы, вѣдущіе по другой сторонѣ озера, аистъ трещалъ на житницѣ.

Грустно смотрѣлъ онъ на деревню, откуда доносились къ нему вечерній шумъ и смѣхъ; онъ дошелъ до самаго озера и сѣлъ на скамью подъ тополями.

Невольно глаза его обратились къ развернувшейся передъ нимъ картинѣ.

Она не была большихъ размѣровъ, не было въ ней высокихъ красотъ; но была въ ней своя непонятная прелесть, которую придавали ей отчасти мѣстоположенія, отчасти вечерняя пора.

Молчаніе было торжественно; въ немъ исчезали мелкіе звуки, доносившіеся отъ времени до времени съ дороги или изъ деревни. Этотъ тихій вечеръ подвѣйствовалъ на Тадеуша, онъ предался воспоминаніямъ о прошломъ, привелъ на память вечера его молодости, проведенные на этомъ мѣстѣ, материнскія ласки, отцовскія предостереженія, ребяческія думы; Тадеушъ вздохнулъ, — и рядомъ съ тѣмъ послышался другой вздохъ: Уляна схватила его за руку, цѣлуя ее со слезами.

— А! это ты Уляночка!

— А! это я, мой баринъ, мой соколъ. Это я опять, это я съ тобой!

— И какъ же ты пришла сюда?

— Какъ? сама не знаю, прилетѣла! ! выдержать дольше не могла: безъ тебя, какъ безъ хлѣба, не прожить мнѣ теперь.

Тадеушъ уже горячо обнялъ ее. они молчали, и только тяжелое дыханіе, разгорѣвшіеся глаза и сжатые руки свидѣтельствовали о ихъ чувствахъ.

— А гдѣ же, — спросилъ черезъ минуту Тадеушъ, — твой мужъ, вѣдь онъ воротился?

— Побѣхалъ опять, — отвѣчала Уляна съ видимой радостью.

— Куда? какъ это?

— Послали его подъ солдатъ.

— Онъ знаетъ обо всемъ?

— Знаетъ, знаетъ! Но чтожъ изъ этого! Онъ даже прибилъ меня вчера, остались еще знаки.

— Онъ смѣлъ тебя ударить?

— О! мнѣ это было непочемъ, а сегодня я уже все забыла: вѣдь это ради васъ били меня! а ради васъ, хоть умереть!

Тадеушъ почувствовалъ слезы на глазахъ и гнѣвъ на сердцѣ.
— Какъ же ты рѣшилась прийти сюда, когда всѣ на тебя смотрятъ?

— Пусть смотрятъ; пусть себѣ видятъ, — отвѣчала Уляна,

хватая его съ дикимъ увлеченіемъ, и глядя на него тѣмъ взоромъ, которымъ умѣла такъ чудно говорить съ нимъ.—Пускай хоть убьютъ меня: мнѣ все равно. Вѣдь господская любовь всегда кончается смертью, печалью. Есть за что умереть. Мой королевичъ, мой соколъ,—говорила она далѣе: я бѣжала къ тебѣ, какъ бѣжала, бывало, къ дѣтямъ; все видѣли, показывали пальцами, а я шла, я бѣжала, я не глядѣла ни на что. О! я такъ люблю тебя!

Когда она говорила это, уста и глаза ея горѣли, грудь подъ грубой свиткой поднималась и опадала какъ волна озера, руки ея то холодѣли и дрожали, то снова, горячія и безсильныя, опускались безъ движенія, и она вздрагивала, словно чувствовала боль.

— Пойдемъ отсюда — сказала она черезъ минуту подавленнымъ голосомъ:—тутъ насъ могутъ увидѣть: пойдемъ въ садовничью избу.

И они пошли молча туда, гдѣ подъ старой грушей стояла пустая, старая избушка. Когда они съли другъ подлѣ друга, Тадеушъ сказалъ ей: Вчера случайно попалъ я къ корчмѣ, когда въ ней совѣтовались между собою мужъ твой, отецъ и тестъ, я слышалъ ихъ угрозы самъ. Я не боюсь ихъ; скажи мнѣ, однакожъ, кто первый изъ нихъ сказалъ объ тебѣ мужу?

— У людей кошачьи глаза,—отвѣтила Уляна: и коли они знаютъ, такъ ужъ и выболтаютъ: не заткнешь имъ ротъ. Старикъ отецъ и братъ Оксена тотчасъ же сказали ему. Выйдя изъ корчмы на улицу, онъ прибилъ меня; я ужъ спряталась у сестры Марьи и къ разсвѣту только воротилась въ избу. Но ужъ онъ больше меня не тронулъ, потому что я хотѣла обороняться.

— Скажи мнѣ, прервалъ Тадеушъ,—такъ всегда быть не можетъ: что намъ дѣлать?

— О! развѣ я знаю, пусть будетъ, что будетъ, не мнѣ совѣтовать; я твоя, твоя и воля. Еслибъ вы немножко пооблегчили мужа, или уволили его отъ работы, можетъ быть, онъ и молчалъ бы. А! да развѣ я знаю!

— Нѣтъ, отвѣтилъ Тадеушъ,—онъ сталъ бы еще заносчивѣе.

— Дѣлайте, что хотите, произнесла Уляна:—я, пока меня не привяжутъ, не запрутъ, буду ходить къ вамъ, да и то бы вырвалась, выбилась, отгрызлась. Безъ васъ мнѣ жить, какъ рыбѣ безъ воды.

И опять она прижималась къ нему на грудь, плакала отъ радости, обнимала его и смѣялась, и прижималась къ нему съ невыразимою горячностью. Она была точно помѣшанная. Тадеуша также охватывало это пламя; и такимъ образомъ они не замѣтили, какъ короткая весенняя ночь, съ каждой минутой становившаяся холоднѣе и холоднѣе, облитая росой, одѣтая туманомъ, близилась къ концу. Процѣли ужъ вторые пѣтухи и

заря свѣтилась на небѣ , когда Уляна вырвалась изъ объятій и побѣжала берегомъ озера, а Тадеушъ, прозябшій, печальный, задумчивый воротился въ отворенныя двери въ свой пустой домикъ. Уже наступилъ день, а онъ еще не заснулъ: ходилъ, думалъ о себѣ, о ней, о ея страстной любви, о какой даже онъ не мечталъ прежде.

— О! подумалъ онъ, — это или очаровательный сонъ, или обольщеніе. Такая любовь въ такой женщинѣ, такая душа подъ этой свиткой, такіе глаза у простой крестьянки! И зачѣмъ она не свободна! Пусть толковалъ бы цѣлый свѣтъ, пусть на мою голову излили бы все свое презрѣніе, я былъ бы съ нею счастливъ, я бы вынянчилъ изъ нее ангела, научилъ бы ее мыслить: я бы удивилъ ею свѣтъ. Но тогда, подумалъ онъ снова, — она бы, конечно, охладѣла, она бы мнѣ измѣнила, какъ та, она бы уже не сдумала такъ любить меня. Нѣтъ, лучше что она такая, какъ выросла надъ берегомъ этого озера, среди этого чернаго бора. Она искренна, она не притворяется; въ свѣтъ искренности и жертвъ не спрашивай! Тамъ гонятся за замужствомъ, за свободой, за рукоплесканіями и не чувствуютъ ничего, кромѣ себялюбія. Женщинъ также, какъ и все наше общество, надо пересоздать, пробудить въ нихъ чувство, которое уничтожало въ нихъ охлаждающее образованіе въ теченіе столѣтій въковъ. Теперь женщина торговка своими прелестями, развратница, но сердца въ ней уже нѣтъ, ибо съ молоду еще обрываютъ его, какъ органъ вредный для будущности... Въ народѣ только осталась сердце и чувство.

Такъ думалъ Тадеушъ, ибо къ воспоминаніямъ объ Улянѣ примѣшивалось воспоминаніе объ извѣстномъ быломъ приключеніи: сердце его обливалось остаткомъ поднявшейся желчи, до сихъ поръ еще не успокоившейся.

— Надо же было, сказалъ онъ наконецъ, — чтобы я попалъ такъ несчастливо на собственную подданную, не свободную. Какая-то непонятная случайность преслѣдуетъ меня. Развѣ я искалъ ее? Но зачѣмъ жаловаться? скорѣй благодарить случай. Нѣтъ, пусть будетъ такъ, какъ быть должно. Кто знаетъ, не будетъ ли крови или огня въ нятѣ дѣйствіи драмы! Тѣмъ лучше. Чего же стоитъ жизнь безъ жизни, безъ приключеній, безъ потрясеній и ощущеній?

Эти послѣднія слова, какъ нельзя лучше, обрисовывали состояніе души бѣднаго мечтателя. Онъ жаждалъ и хотѣлъ напиться хоть бы кровью и слезами!

XII.

Недѣля миновала незамѣтно. Тадеушъ окунулся въ свое настоящее и не думалъ о завтрашнемъ днѣ: она также, она еще

жаднѣе пила изъ очарованной чаши, какъ звѣрь въ жаркую пору, котораго и выстрѣломъ не отгонишь отъ воды, и смертью не испугаешь.

При удовольствіи каждой страсти, есть минута забвенія, ослѣпленія, равнодушія ко всему, что внѣ ея и что не имѣетъ съ нею связи. Страсть эта даже отталкиваетъ умышленно, забывается и то, что далеко отъ нея, хотя и связано чѣмъ нибудь: не хочется ей омрачать своего неба тучами, которыя и безъ того приходятъ очень скоро. Легко понять положеніе души этой женщины страстной, и впервые удовлетворяющей незнакомому ей до сихъ поръ чувству. Она не понимала, почему бы ей не удовлетворять жаждѣ наслажденія: не понимала препятствій, помѣхъ; она была простой, страстной женщиною, ангеломъ по глазамъ, звѣремъ по тѣлу и волѣ. И какъ чудно ей было съ этой страстью не преоборимою, искреннею, почти безстыдною! Можетъ быть, ради странности подобной привязанности, до того пламенной, что она переходила въ мечту или вымыселъ, Тадеушъ также тонулъ въ любви непонятной, безумной, соблазнительной для женщины, которая не могла его понять. Въ головѣ его прервались всѣ мысли, которыми онъ, какъ послѣдними узлами, былъ еще привязанъ къ свѣту, къ идеямъ приличія, благородства: онъ закрылъ глаза и кинулся въ пропасть, никогда, впрочемъ не думая зайти такъ далеко. Прекрасные глаза Уляны очаровали его своимъ блескомъ, своимъ выраженіемъ, но онъ не предвидѣлъ въ себѣ такой внезапной страсти, не ждалъ ее. Теперь они оба кинулись, сломя голову, съ вершины горы и уже ничто не могло ихъ остановить.

Но могъ ли онъ долго прожить такую любовью? Не знаю. Черезъ недѣлю наступилъ для него другой періодъ страсти. Онъ начиналъ, чувствуя себя счастливымъ, создавать свое завтра, думать о будущности. Она все еще оставалась въ первомъ забвеніи всего, въ ослѣпленіи и безуміи. Для него безуміе рѣдѣло уже какъ туманъ и сквозь него видѣлся свѣтъ. Она ничего, кромѣ его, не видѣла. Для него Уляна была по прежнему прекрасная, по прежнему желанная, хоть и непонятная любовница; но уже разсудокъ указывалъ ему на ея синія заплаканныя вѣки, опущенныя надъ чудными глазами. Уже онъ замѣтилъ жесткую и намозоленную руку ея; уже не разъ ея простыя, страстные рѣчи казались ему смѣшными.

Для нея періодъ этотъ былъ еще далекъ, а можетъ быть и не суждено было ему никогда наступать; потому что страсть у ней перешла въ жизнь, сдѣлалась постояннымъ безуміемъ и горячкой. Для нея, дикой крестьянки, небыло разочарованія, пока длилась любовь, а въ сердцѣ, которое запылало въ ней такъ поздно и дивно, страсть могла угаснуть только съ жизнью.

Прошла еще недѣля, и Тадеушъ уже разсуждалъ, уже думалъ,

уже оглядывался. Страсть Уляны только росла, и сила ея, еще раздражая нѣсколько ослабѣвающую любовь барина, удерживала его любовникомъ. Но уже разсудокъ чаще и громче говорилъ ему, уже опять трунилъ, и за минутное молчаніе отплачивалъ непрерывными насмѣшками. Между тѣмъ, воротился Оксенъ, но это нѣсколько не измѣнило ихъ отношеній. Гончаръ, казалось, добровольно ничего не видѣлъ, ни на что не обращалъ вниманія; грустный и пасмурный, онъ упорно молчалъ, не кинулъ на жену ни взгляда, ни разу не спросилъ, гдѣ была она. Онъ обходился съ нею какъ съ совершенно постороннею, и однакожь все видѣлъ, все зналъ; что же съ нимъ сдѣлалось? Не разъ и Уляна спрашивала самое себя: откуда такая внезапная перемѣна? Это гордое молчаніе укололо ее, хоть она и была ему рада. Равнодушіе его не было истинно: оно прикрывало безсильную злобу, до времени затаенную въ сердцѣ, усиливающуюся отъ сдерживанія и долженствующую когда нибудь обнаружиться въ болѣе ужасныхъ размѣрахъ. Тадеушъ также беспокоился, видя его такимъ молчаливымъ и, по наружности, равнодушнымъ; онъ зналъ людей и зналъ, что въ простомъ человѣкѣ жажды мщенія ничѣмъ не заглушишь; онъ предчувствовалъ недоброе. Но Оксенъ каждый разъ, при встрѣчѣ съ баринномъ, униженно снималъ шапку, кланялся до коленъ и съ хитрою покорностью приветствовалъ его.

Чтобы обезоружить крестьянина, баринъ прибѣгнулъ теперь ко всевозможной кротости; ею, думалъ онъ побѣдить, подкупить его, но сильно ошибался. Оксенъ все принималъ, не оказывая ни радости, ни малѣйшей признательности, ни удивленія, а только изрѣдка, хитро улыбался. Благодарностію за все было какое-то совершенное отреченіе отъ жены.

Когда она была дома, Оксенъ точно не видѣлъ ее, не было ея,—онъ о ней не спрашивалъ; выходила она изъ избы, онъ ее не удерживалъ ни полусловомъ; возвращалась ночью, онъ не дознавался откуда. Большую часть времени проводилъ онъ за столомъ въ корчмѣ, пьянствуя самъ, угощая другихъ, но и пьянство даже не развязывало ему языкъ: онъ молчалъ, какъ камень, и только иногда обычное его проклятiе: *сто чертей и мѣ...* вырывалось, свидѣтельствуя, что онъ чувствовалъ же что нибудь.

Павлюкъ и Левко, видя его равнодушіе, оставили его и больше не вспоминали о женѣ. Улясъ говорилъ, что онъ не глупъ; но прибавлялъ:—ужь совѣмъ бы тебѣ быть умнымъ и не бросать хозяйства, не опускать рукъ, а коли пришла такая хорошая пора, такъ подумай-бы о себѣ. А то ты только въ корчмѣ сидишь, пьешь, и забывъ о избѣ. Проси всякій день, морочь и хватай; по крайней мѣрѣ, разбогатеешь и дѣтямъ дашь кусокъ хлѣба.

Оксенъ ничего не отвѣчалъ, пожималъ плечами, закуривалъ

трубку и шель съ узелкомъ грошей въ корчму. Старикъ одинъ долженъ былъ теперь думать обо всемъ. Неввстка безумствовала, сынъ пьянствовалъ, и еслибъ не онъ, такъ скотина по-падала бы, и поле гуляло бы.

Въ одинъ вечеръ, Оксенъ воротился рано въ избу и сталъ суетиться болѣе обыкновеннаго; онъ наполнилъ мѣшокъ хлѣбомъ, справилъ телегу, засыпалъ лошадямъ кормъ, надѣлъ свитку и взялся за топоръ.

— А куда ты, сынку? спросилъ Улясъ.

— Въ лѣсъ, батьку, дровъ нѣту, поѣду на ночь, а завтра утромъ ворочусь съ возомъ.

— Хорошо, что ты взялся, наконецъ, за умъ, сказалъ Улясъ; теперь-то намъ и хозяйничать, и богатѣть.

Оксенъ кивнулъ головой и насмѣшливо улыбнулся, но ничего уже не отвѣтилъ. Насунувъ шапку на уши и взявъ кнутъ, онъ сѣлъ на телегу, и сидя уже на ней, поговорилъ еще съ прохожими, повторяя каждому, что ѣдетъ въ лѣсъ. Подъѣхавъ къ корчмѣ, онъ опять остановился и еще потолковалъ съ людьми, стоящими у дверей, выпилъ порцію, закурилъ трубку, ударилъ по лошадямъ и какъ сумасшедшій погналъ по дорогѣ въ лѣсъ. Смеркалось. Въ окнахъ избъ замелькали огни, на улицѣ было движеніе: женщины разговаривали, стоя, сложа руки у воротъ, мужики сидѣли на завалинкахъ, дѣти прыгали на улицѣ, молодницы шли съ ведрами по-воду и болтали у колодезя, одну руку поднимая на бадью, а другою подпиравъ подбородокъ. Стада черныхъ и бурыхъ овецъ толпились у открытыхъ хлѣвовъ. Уляны уже не было дома, она побѣжала къ господскому дому, сквозь отворенныя стеклянныя двери проскользнула въ комнату барина и сидѣла съ нимъ, поглядывая на трещащій въ каминѣ огонь. Тадеушъ былъ что-то печаленъ, склонилъ голову на ея плечо и думалъ. Нѣсколько разъ старалась Уляна прервать долгое молчаніе, но напрасно, теперь она только глядѣла ему въ глаза и сама молчала. Тишину прерывали только трещаніе огня и легкій шумъ садовыхъ деревьевъ, надъ которыми каркала къ ненастью стая воронъ.

Приближалась ночь; они сидѣли еще по прежнему, и Тадеушъ, вздыхая по временамъ, то обнималъ ее, то опускалъ руки, поглядывая ей въ глаза и на угасающій огонь.

Въ деревнѣ уже погасли огни, умолкли пѣсни, и только покрикивали чуткіе пѣтухи и безпокойно лаяли собаки.

У крыльца, въ открытыя въ садъ двери, слышались шаги осторожно проходящаго челоуѣка. Тадеушъ и Уляна слышали это; она вскочила, прислушалась: ничего не было видно, но въ травѣ шелестила тихая воровская поступь. Словно тѣнь какая-то промелькнула предъ отворенными дверями; Тадеушъ вскочилъ, выбѣжалъ, но никого не увидалъ. Уляна въ испугъ забилась въ

уголъ комнаты и устала безпокойный взглядъ на воротившагося Тадеуша.

Онъ, молча, сѣлъ опять на свое мѣсто.

— Мнѣ что-то страшно, шепнула Уляна.

— Вѣрно, сторожъ прошелъ вокругъ дома, отвѣтилъ Тадеушъ.

— О! нѣтъ! сказала Уляна, — это не сторожъ.

— Можетъ быть, собака.

— Человѣкъ! сказала она и прижалась къ нему.

Съ минуту еще продолжался полусловами разговоръ, суевѣрная и пугливая какъ дитя, Уляна, крестилась, говоря шепотомъ: что это можетъ быть ходять духи, такъ какъ уже близка полночь. Ее удивило, что Тадеушъ улыбался и не вѣрилъ въ духовъ; ей казалось несомнѣннымъ возвращеніе съ того свѣта душъ, блужданіе ихъ по свѣту и приглядываніе къ той жизни, изъ которой ихъ вырвали.

Еще напештывая, Уляна уснула. Тадеушъ заперъ садовую дверь, сѣлъ подлѣ нея и также задремалъ. Безпокойный, прерывистый сонъ смѣжилъ на минуту ихъ вѣки.

Вдругъ пробудились они оба и вскочили. Страшный свѣтъ врывался сквозь стеклянныя двери въ комнату; хотя каминъ уже погасъ, хотя далеко было еще до дня, но было видно какъ днемъ. Тадеушъ закричалъ:

— Пожаръ! пожаръ!

И оттолкнувъ руки Уляны, которая обвила было его шею, онъ кинулся къ дверямъ. Двери были приперты снаружи шестомъ. Сильнымъ ударомъ вышибъ онъ ее и выбѣжалъ въ садъ, оглянувшись: на домъ цѣлая крыша была въ огнѣ, за дворомъ свѣтилось другое зарево, отъ гумна. Всѣ спали. Тадеушъ сильно закричалъ, нѣсколько головъ высунулось изъ оконъ, нѣсколько людей выбѣжало на дворъ. Тадеушъ звалъ на помощь, послали въ деревню за людьми, а дворовые кинулись разбирать крышу. Между тѣмъ, гумно пылало, ибо всѣ кинулись къ дому, а изъ деревни никто не являлся. Напрасно управляющій бѣгалъ по деревнѣ, стучалъ въ избы, билъ людей и гналъ ихъ: не доходя до дому, они пропадали, разбѣгались, прятались такъ, что некому было принести ведра воды и разбирать загорѣвшіяся строения.

Спасали только дворовые люди, да нѣсколько мужиковъ: остальные, забравшись на крыши избъ, на заборы, на деревья, спокойно, молча, смотрѣли на пожаръ, уничтожающій гумна и амбары. Нѣсколько скверъ вмѣстѣ пылали страшнымъ огнемъ; конюшни уже рушились, въ хлѣвахъ ревѣлъ запертый скотъ и блѣяли овцы. Лошади, полуопаленные, вырвались изъ стойлъ и бѣгали по двору. Зарево пожара свѣтилось кроваво на небѣ и отражалось въ озерѣ. Отзывалось нѣсколько безсильныхъ голосовъ, трудилось нѣсколько безсильныхъ рукъ, осталь-

ные смотрѣли молчаливо на то, что называли карой Божіею, не смѣя, можетъ быть, и не желая спастись.

Тадеушъ, съ отчаяніемъ, заломивъ руки, стоялъ не далеко отъ дому и смотрѣлъ молча на огонь, уничтожающій гумна. Домъ безъ крыши, съ вытянувшимися и закопченными вверху трубами, еще дымящійся, но уже спасенный, стоялъ, окруженный грудами горящихъ головней.

Вдалекѣ, на пригоркѣ, у часовни, стояла бѣлая фигура, лопатая руки. Тадеушъ узналъ Уляну, которая громко рыдала, не обращая вниманія, что ее видѣли люди. Она поняла причину пожара и видѣла припертыя двери: поняла все, проклинала себя и его.

Мало по малу пожаръ сталъ потухать и только густой дымъ поднимался надъ пожарищемъ. На востокъ прояснялось и золотилось чистое небо, предтеча близкаго солнца.

Для Тадеуша это было, можетъ быть, первое трезвое утро. Безуміе его исчезло въ пламени: онъ видѣлъ свое положеніе, понималъ, что самъ подложилъ этотъ огонь.

— Не время отступать, — началъ, такъ dokonчу; подумалъ онъ и обратился къ управляющему:

— Огонь, очевидно, подложенъ. Отправьтесь въ избу Оксена, посмотрите, дома ли онъ: взять его и связать.

— Дома его нѣтъ, отвѣтилъ панъ Линовскій, — вчера вечеромъ видѣли всѣ, какъ онъ вѣхалъ на ночь въ лѣсъ за дровами. Только сегодня утромъ долженъ онъ воротиться.

— Взять его, когда воротится.

Сказавъ это, Тадеушъ вошелъ въ уцѣлѣвшій домъ и кинулся на диванъ, гдѣ недавно засыпалъ подлѣ Уляны такъ свободно и спокойно. Усталый, онъ почувствовалъ дрожь, пробѣгающую по тѣлу: его жгло внутри, глаза ложило, въ груди не доставало воздуха.

ХІІІ.

На другой день, Тадеушъ лежалъ безъ памяти, въ страшной горячкѣ, а у дверей его комнаты стояла въ слезахъ Уляна. Она потеряла стыдъ, разсудокъ, забыла о людяхъ: не отходила отъ порога, не ѣла, не пила, и какъ вѣрная собака, уставивъ прекраснѣшіе глаза, съ растрепанными волосами, ломая руки, стояла противъ кровати, заглядывая на нее каждый разъ, какъ отворялись двери. Войти она не смѣла, отойти не могла. Люди ее толкали, отгоняли; она отходила на шагъ и возвращалась снова. Сколько разъ глаза полупомѣшаннаго больнаго встрѣчали ея слезливый взглядъ; когда онъ опамятовался, то увидѣлъ ее прежде всѣхъ. Онъ улыбнулся, а потомъ заплакалъ. На лицѣ ея выразилось такое ужасное страданіе, такое забвеніе всего, такое без-

уміе, отчаяніе: могъ ли онъ оттолкнуть ее? Въ тотъ же день она уже сидѣла въ головахъ, у его кровати, и уже не отходила отъ него.

Оксенъ сидѣлъ закованный въ колодку, судъ допрашивалъ его: сначала онъ на все молчалъ. Просьбы, угрозы, ничто не помогало. Подъ угольями дома нашли огниво, которое, по сознанию людей, принадлежало ему. Ему предъявили это огниво; онъ дико улыбнулся и сказалъ:

— Мое.

— Такъ ты поджегъ?

— А что жъ? Я.

Это были первыя слова признанія. По окончаніи слѣдствія, онъ сдѣлался пасмурнымъ, молчаливымъ, но хладнокровнымъ ко всему. Два раза просилъ онъ, чтобы привели къ нему дѣтей, и когда они приходили къ нему, онъ ихъ отталкивалъ. На упреки стараго Уляса, онъ не говорилъ ни слова; на тайныя совѣты убѣжать, махалъ только рукой и насмѣшливо улыбался. Черезъ недѣлю нашли его мертвымъ. На немъ не было признаковъ насильственной смерти, но ей не предшествовала никакая бользнь. Призванный врачъ не сумѣлъ объяснить внезапной кончины иначе, какъ сильнымъ испугомъ и раскаяніемъ.

Но люди шептали, что онъ, еще на кануѣ, прощался со своими и былъ говорливѣе обыкновеннаго; что за нѣсколько дней передъ тѣмъ, старая Гришнина приносила ему какое-то зелье.

Уляна узнала о смерти мужа и ни сколько не была ею тронута. Только черезъ нѣсколько дней размышленій, слезы потекли изъ глазъ ея и она пожелала видѣть дѣтей. Ихъ принесли: она поплакала немного надъ ними и воротилась въ комнату больного. Онъ все ея сердце, всю ее оторвалъ отъ всего. Пора было отозваться раскаянію, совѣсти, сожалѣнію; но они еще молчали.

Въ прекрасный лѣтній вечеръ, Тадеушъ, уже выздоравливающій, вышелъ посидѣть на крыльцо въ садъ. Блѣдный, исхудалый, печальный, мучимый раскаяніемъ, сидѣлъ онъ и поглядывалъ отупѣлымъ взоромъ на озеро, блестящее лучами заката. У ногъ его лежала вѣрная собака и сидѣла бѣдная Уляна. Обѣ смотрѣли ему въ глаза, которые были обращены не на нихъ, а куда-то въ другое мѣсто.

Все кругомъ молчало. Вдругъ отозвался церковный колоколь. Сначала одинъ тихій, печальный, къ нему присталъ другой, а тамъ и третій загудѣлъ густымъ и печальнымъ голосомъ. То не было время службы. Тадеушъ взглянулъ на Уляну; она уже ждала этого взгляда.

— Развѣ завтра праздникъ? спросилъ онъ.

— О, нѣтъ! отвѣтила Уляна.

— А чтожъ это звонять?

— На погребеніе.

— Чье?

— Оксена, выговорила она тихо.

Тадеушъ не зналъ, что онъ умеръ. При этихъ словахъ, онъ вскочилъ съ своего мѣста, хотѣлъ что-то сказать, но у него не достало голоса, и онъ упалъ на кресло. Онъ смотрѣлъ потомъ на Уляну, и больно было его сердцу, что не видѣлъ въ ней ни сожалѣнія, ни печали, ни раскаянія. Уста ея почти улыбались, глаза, уставленные на него, горѣли страстью, и она такимъ спокойнымъ голосомъ сказала это слово:

— Оксена.

Впервые испугала она его своею страстью, своею привязанностью; въ первый разъ онъ почти не радъ былъ этой непонятной любви.

И совѣсть крикнула ему ужаснымъ голосомъ:

— Ты его убилъ.

Тадеушъ уставилъ безумный взоръ на другой берегъ озера. Церковные колокола тихо, жалобно гудѣли, они, казалось, оплакивали умершаго, казалось, говорили живущимъ:

— Завтра зазвонимъ мы и надъ вами.

Въ деревнѣ слышалось церковное пѣніе, и женскій плачъ, протяжный, пѣвучій, разноголосный. Слово не было слышно, только печальный напѣвъ плача, пискливый, жалобный, мѣшаясь съ пѣніемъ священника, долеталъ до слуха. Другой стороною озера тянулась погребальная процессія гончара.

Тадеушъ увидѣлъ черный крестьянскій хоругвѣй и тельгу, запряженную парой черныхъ воловъ, за которую цѣплялись рыдающія женщины. Передъ тельгой шелъ ксензъ въ черномъ одѣяніи, напѣвая молитвы, за нимъ тянулась горсть людей, съ погашенными свѣчами.

А колокола церковные вторили плачу бабъ, пѣнію ксенза и скрипу колесъ погребальной тельги, тащившейся съ бѣлымъ гробомъ на кладбище.

Смотрѣла и Уляна, но не плакала. Она только уставила глаза на Тадеуша, словно взглядомъ хотѣла сказать ему:

— Отъ всего отреклась я для тебя.

У Тадеуша помутилось въ глазахъ, онъ вскочилъ со стула, хотѣлъ бѣжать въ комнату и упалъ на порогъ.

Слуги отнесли его безъ памяти на кровать, и имъ опять овладѣла горячка, страшнѣе, чѣмъ прежде. Слова лились у него изъ устъ, объясняя ужасное положеніе встревоженной души. Онъ отталкивалъ несчастную Уляну, которая въ слезахъ стояла на колыняхъ у его кровати, сбрасывалъ съ себя покрывало, хотѣлъ бѣжать на пожаръ; обвинялъ себя въ убійствѣ, видѣлъ у себя на рукахъ кровь, видѣлъ ее наконецъ повсюду. То опять отталкивалъ какіе-то призраки, закрывалъ глаза, дрожалъ и плакалъ,

а потомъ, со слезами, съ смиреніемъ, оправдывался передъ отцемъ и матерью.

— Я невиненъ, говорилъ онъ, — я невинецъ, она невинна: онъ самъ убилъ, онъ умеръ, онъ сторѣлъ. Я его не убивалъ! Эта кровь, не его кровь, это моя.... Я ушибся, мнѣ больно... у меня болитъ сердце. Надо бѣжать, меня будутъ преслѣдовать... вязать, меня подожгутъ; надо бѣжать далеко. И ее возьму съ собой! Нѣтъ!... не возьму.... одинъ пойду. Смотрите: зачѣмъ онъ пришелъ сюда съ горящей головней, съ ножомъ въ рукахъ! Хочетъ меня убить! Батюшка, матушка, спасите! Я невиненъ, я невиненъ. Потомъ онъ улыбался веселѣй. — Пойдемъ въ лѣсъ, говорилъ онъ, — на могилу двухъ братьевъ, тамъ насъ никто не увидитъ! тамъ любовь наша началась, и тамъ она кончится, — на могилѣ? на могилѣ...

А Уляна стояла на колыняхъ у кровати и плакала, она теперь только поняла свой проступокъ. Сколько разъ вскакивала она и бѣжала въ помѣшательствѣ къ озеру; но крикъ больного, издали доходящій до ея слуха, хваталъ ее за сердце и тянулъ назадъ. Не доставало у ней рѣшимости, а умереть она даже желала.

Нѣсколько такихъ ужасныхъ дней провела она подлѣ него; наконецъ горячка стала успокоиваться, больной ослабѣлъ и изъ необыкновенной раздражительности впалъ въ безсиліе и въ совершенную безчувственность. Врачъ обѣщалъ, однакожъ, выздоровленіе; онъ нѣсколько разъ хотѣлъ удалить Уляну, но каждый разъ больной впадалъ въ горячку и звалъ ее по имени, искалъ ее въ безпамятствѣ, такъ, что наконецъ ее, плачущую у дверей, опять должно было пустить къ кровати.

Наконецъ къ Тадеушу стали возвращаться силы и память. Казалось, все стерлось въ его памяти, онъ не вспоминалъ уже ни о чемъ, и на присутствіе Уляны смотрѣлъ, какъ на вещь обыкновенную. Она прислуживала ему и не покидала его ни на минуту. Бѣдняжка не была уже похожа на ту Уляну, какую онъ встрѣтилъ въ первый разъ, свободную, веселую, идущую въ лѣсъ по грибы. Лице ея высохло, глаза потухли, губы поблѣднѣли и носились. Болѣзненная блѣдность замѣнила живой румянецъ.

Только во взглядъ, еще грустномъ, но глубокомъ, полномъ выраженія, сохранился памятникъ былой красоты. Она не смогла еще выплакать своихъ глазъ и потерять ихъ чародѣйскаго блеска.

Тадеушъ ни съ ней, ни съ кѣмъ ничего не говорилъ о прошломъ: а изъ этого самаго видно было, что онъ его помнилъ, но умышленно отталкивалъ. Для Уляны онъ былъ тотъ же самый, что и прежде, но страсть перешла уже въ долгъ и обязанность, только прикрытая оболочкой притворной страсти. Она этого не замѣчала, и замѣтивъ не могла бы понять, какъ не понимала,

чтобы любовь столь горячая, такъ дорого купленная, могла когда нибудь кончиться, остынуть, прерваться. Для нея это было только вступленіе въ жизнь; она едва отвѣдала наслажденія и, напившись желчи, снова желала ее, жадно ждала ее.

Холодное обхожденіе Тадеуша она приписывала болѣзни, слабости, почти помѣшательству. Она была увѣрена, что съ выздоровленіемъ возвратится любовь, счастье, которому уже ничто не мѣшало, кромѣ печальнаго воспоминанія.

Въ ея сердцѣ сглаживалось и это воспоминаніе: она такъ любила! Не такъ было съ Тадеушомъ: воспоминаніе мучило его и онъ терзался въ молчаніи, а Уляна была теперь для него живымъ, безпрестаннымъ укоромъ. Онъ любилъ еще ее, но уже упрекалъ себя въ этой любви, какъ въ злодѣйствѣ, и не разъ даже мелькала въ головѣ его мысль отдѣлаться отъ нея, но состраданіе удерживало его. Онъ чувствовалъ, что она умерла бы, что онъ былъ бы несчастливъ, хоть и съ нею счастливымъ быть не могъ.

Уляна, не бросая своего деревенскаго наряда, осталась безотлучно при баринѣ. Къ дѣтямъ, къ избѣ, ко всему уже была она равнодушна, и съ каждымъ днемъ думала о нихъ меньше и меньше. Тадеушу было стыдно, оттолкнуть ее онъ не могъ, не умѣлъ, не рѣшался. Онъ позволилъ ей сдѣлаться почти самовластной барыней въ домѣ, подрукою его жизни, часто надоедающей и постоянно составляющей для двора предметъ насмѣшекъ. Ни сколько не трогали ее ни насмѣшки, ни презрѣніе окружающихъ, она не обращала на нихъ вниманія или платила за нихъ гордостью. Она чувствовала себя барыней, хоть и хотѣла пользоваться барствомъ только для себя, для своей страсти.

Такъ проходило время и Тадеушъ выздоравливалъ, но не воротился къ прежней веселости и свободѣ. Черная туча висѣла постоянно надъ блѣднымъ челомъ его: не могли уже отогнать ее и ласки Уляны. А она еще не понимала его остывающей любви, потому что сама кипѣла ею, не насыщенная. Онъ боленъ—думала она—выздоровѣетъ и повеселѣетъ. О! мы будемъ счастливы!

XIV.

У Тадеуша были родные, знакомые и пріятели, отъ которыхъ онъ совершенно оторвался, закупорившись въ деревню. Онъ ни у кого и у него никто не бывалъ, дворъ поросъ травой, самъ помыщикъ забылъ прежній свѣтъ, въ которомъ жилъ. Изъ щеголеватаго, веселаго юноши сталъ онъ печальнымъ пустыннымъ для Уляны огрубѣлъ и заржавѣлъ.

Уже не разъ будущность начала казаться ему тяжкою и печальною; уже часто убѣгалъ онъ отъ Уляны и блуждалъ по

берегу озера одинъ, съ своими мыслями. Иногда, ночью, мечталъ онъ о прежней своей жизни, о пріятеляхъ, даже о невѣрной любовницѣ и вставалъ съ бьющимся сердцемъ и вздыхалъ; но говорилъ самому себѣ:

— Чѣмъ же лучше и красивѣе женщины въ томъ свѣтѣ, который я для нея оставилъ? Больше только наряда, больше лжи. Которая же бы изъ нихъ смогла бы такъ любить меня.... Стоить ли плакать о нихъ? развѣ онъ не измѣнили мнѣ? не бросили меня? не забыли? развѣ онъ могутъ дать мнѣ счастье лучше того, какимъ я пользуюсь?

Бѣднякъ свое горе и мученіе называлъ еще счастьемъ, лгалъ передъ собою и увѣрялъ себя, что ничего не жалѣеть, что не плачетъ ни о чемъ.

Однакожъ съ каждымъ днемъ онъ чаще и чаще задумывался о прежней жизни и каждый разъ глубже вдавался въ старыя воспоминанія; онъ чувствовалъ себя оподлѣвшимъ, униженнымъ въ собственныхъ глазахъ и, что хуже всего, преступившимъ законы окружающаго его общества. Это преступленіе было такъ чувствительно ему, такъ близко, слѣды его еще такъ мало изгладились, что уже ради одного этого онъ хотѣлъ вырваться изъ деревни, оторваться отъ Уляны; но какъ у многихъ людей съ пламенными чувствами, у него не доставало силы воли. Онъ рвался за черту; но переступить ее не могъ.

Въ одно лѣтнее утро всталъ онъ раньше обыкновеннаго, разгоряченный ночными мечтами, которыя расшевелили его сердце былыми воспоминаніями; онъ побѣжалъ къ Улянѣ, которая пріветствовала его улыбкой, взглядомъ и вымаливала у него хоть одно ласковое слово, хоть одну улыбку, одинъ взглядъ. Онъ велѣлъ приготовить собакъ къ охотѣ, на которой давно уже не былъ; ему нужно было убѣжать изъ дому, быть одному и подумать при шумѣ лѣсовъ.

Онъ вышелъ. Крупной росой были еще покрыты трава, растенія и кусты; листья ихъ блестяли, отражая лучи восходящаго солнца, которое поднималось въ бѣловатыхъ облакахъ. Луга покрывалъ поднимающійся паръ, птицы пѣли, народъ выѣзжалъ въ поле; рожь колыхалась наклонившимися колосьями, а цветущая гречиха наполняла благоуханіемъ чистый легкій воздухъ, которымъ отрадно было дышать.

Тадеушъ углублялся въ лѣсъ, гдѣ предположено было спустить собакъ на зайцевъ. Давно уже онъ не охотился, и не съ прежнимъ жаромъ и увлеченіемъ вышелъ на охоту; съ опущенной головой, заложенными назадъ руками, самъ не зная, куда онъ идетъ, онъ позволилъ людямъ вести себя и поставить на перемычку, которая была на большой дорогѣ. Тадеушъ выбралъ себѣ пень, поставилъ ружье, сѣлъ и задумался. Собаки еще не отзывались, вершины деревъ шумѣли, кругомъ была ти-

шина, только гдѣ-то вдалекѣ былъ слышенъ стукъ топора: то мужикъ рубилъ сосну на постройку.

Въ эту минуту забрячали бубенчики, застучалъ экипажъ, кто-то вхалъ по дорогѣ. Тадеушъ поднялъ голову, уставилъ глаза; неизвестно почему у него, такъ давно уже привыкшаго къ уединенію, откликнулось сердце на эти звуки. Онъ сидѣлъ почти у самой дороги. Скоро показалась легкая бричка, запряженная парой карихъ лошадей, въ которой сидѣлъ молодой мужчина. Проезжающій уставилъ глаза на охотника, охотникъ на проезжающаго. Минувъ Тадеуша, тотъ обратился къ нему лицомъ и крикнулъ: «стой!»

Тадеушъ, пристыженный, покраснѣвшій и въ замѣшательствѣ, всталъ съ пня, на которомъ сидѣлъ.

— Тадеушъ.

— Это ты, Августъ!

— Какъ поживаешь, пустынный! Какъ поживаешь? Ты такъ измѣнился, что я едва узналъ тебя.

Тадеушъ вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ, онъ молча пожалъ только руку Августа, а тотъ внимательно и съ любопытствомъ смотрѣлъ ему въ глаза.

— Ты живешь здѣсь недалеко?

— Очень близко! Ёдемъ ко мнѣ?

— А какъ же! весьма охотно: садись со мной! или погоди: зачѣмъ же отрывать тебя отъ охоты? пусть лошади отираются, мы посидимъ здѣсь, поболтаемъ на свободѣ.

— Павелъ! крикнулъ онъ кучеру, — трогай къ дому, тутъ недалеко. Какъ называется твоя деревня?

— Озерки.

— Трогай къ Озеркамъ, выпряги лошадей, задай имъ корму и скажи, чтобъ готовили завтракъ.

Тадеушъ кивнулъ головой въ благодарность, лошади тронулись, они уехали и стали на свободѣ тихонько разговаривать.

Августъ былъ школьный товарищъ Тадеуша, товарищъ по университету, старый пріятель. Кто жъ не знаетъ эту молодую дружбу, эти неразрывныя связи, которыя не въ состояніи расторгнуть никакая сила, потому что они удерживаются очаровательными воспоминаніями юности? Въ позднѣйшіе годы отношенія завязываются и расторгаются, завязывается дружба и разрывается безъ сожалѣнія; сердце всегда тянетъ къ старымъ пріятелямъ, къ пріятелямъ молодости, хотя бы они и не заслуживали этого благороднѣйшаго чувства.

Для Тадеуша Августъ былъ живымъ воспоминаніемъ; онъ былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ товарищей, одинъ изъ лучшихъ друзей. Благороднаго характера, полный откровенности и смѣлый, онъ невольно заставлялъ любить себя.

Созданный для друзей, онъ служивалъ имъ и думалъ о нихъ

больше, чѣмъ о себѣ. Никогда не требовалъ онъ ни чьей помощи и всегда готовъ былъ помочь другому. Со времени своего пребыванія въ городѣ, окончившагося для Тадеуша такимъ трагическимъ происшествіемъ, онъ не видѣлся съ Августомъ, который, по возвращеніи изъ деревни, жилъ отъ него миль за двадцать.

Добрый Августъ справлялся о Тадеушѣ, и стоустная молва, которая такъ быстро разноситъ каждый необыкновенный случай, донесла ему вѣсть о любви пустытника и всего, что изъ нея вышло. Хорошо, еслибъ онъ узналъ только правду, но сколько лжи по дорогѣ прибавилось къ этой вѣсти.

Со вниманіемъ и съ участіемъ смотрѣлъ Августъ на своего пріятеля и едва узнавалъ его. Лице его поблѣднѣло, усталыя вѣки опускались надъ глазами, лобъ наморщился, губы сжались, печаль царствовала на его преждевременно состарѣвшемся и увядшемъ лицѣ.

— Послушай, сказалъ Августъ, — ужъ коли мы встрѣтились, поговоримъ между собою откровенно; правда ли то, что плетутъ о тебѣ?

— А что же плетутъ? спросилъ Тадеушъ съ горькой улыбкой.

— Что ты тамъ влюбился, или не знаю какъ сказать, въ какую-то крестьянку, что мужъ ея поджегъ твой домъ, что потомъ....

— Все это правда, отвѣтилъ онъ живо. — Я влюбился и видишь, до чего довело меня это, какъ измучило, изсушило. О! я много выстрадалъ! Но для такой любви, какъ ея любовь, стоило страдать!

Августъ разсмѣялся.

— Ну, ну, перестань! признаюсь тебѣ, я не понимаю такой любви; это какое-то сумасшествіе; на минуту еще, пожалуй; но продолжаться это не можетъ.

Тадеушъ улыбнулся и пожалъ плечами.

— Ты не знаешь ея, не понимаешь страсти, привязанности этой женщины. Я испыталъ ее сто разъ, во время моей ужасной болѣзни: она изсохла у ногъ моихъ. Посвятила мнѣ дѣтей своихъ, стыдъ, все! О! по сердцу она достойна назваться царицей!

Августъ смотрѣлъ съ удивленіемъ и съ сожалѣніемъ на разгорячившагося Тадеуша.

— Что за чортъ! подумалъ Августъ, — онъ просто съ ума сошелъ! Изъ состраданія надо спасти его, онъ пропадетъ!

— Ну, и что же? прибавилъ онъ громко: — ты думаешь проводить съ нею вѣчно жизнь голубковъ?

— Ничто не можетъ насъ разлучить; насъ связали слезы, страданія, смерть, огонь, преступленіе, наши общія жертвы.

— Но ты восторгаешься! сказалъ Августъ, а я хотѣлъ съ

тобой, мой другъ, поговорить хладнокровно. Скажи откровенно, положи руку на сердце, во имя нашей старой дружбы: не пугаетъ ли тебя самага эта жизнь?

Тадеушъ взглянулъ, опустилъ глаза и въ замѣшательствѣ отъвернулся.

— Теперь ужъ не время отступать, сказалъ онъ печально.

— Извини, всегда время прекратить глупости.

— Августъ, какъ ты охладѣлъ!

— Тадеушъ, ты съ ума сошелъ! Чтожъ ты думаешь, составлять, одеревѣть, изсохнуть прежде времени у ногъ твоей деревенской Омфалы? Развѣ стоитъ она, чтобы ты посвятилъ ей весь свѣтъ, надежды, будущность?

— Она посвятила мнѣ все.

— Но ты наконецъ убьешь себя, замучишь, ты не выдержишь, тебя отравитъ эта однообразная жизнь, безъ всякихъ развлеченій, безъ движенія, безъ оживляющихъ средствъ. Пока ты останешься съ ней, долженъ оторваться отъ цѣлаго свѣта, потому что наше безсострадательное общество не приметъ тебя никогда. Ты осужденъ и изгнанъ.

Тадеушъ вздохнулъ.

— Тебя нужно спасти, продолжалъ Августъ.

— Я погибъ, отвѣтилъ Тадеушъ, — оставь меня! Кому же какое дѣло, когда я счастливъ?

— Счастливъ! воскликнулъ Августъ, — но ты обманываешь себя, ты несчастливъ; взгляни на себя, загляни въ свою душу, ты страшно мучишься въ цѣпяхъ, тобою же самымъ скованныхъ.

Въ эту минуту, залились собаки и охотники бросились къ ружьямъ. Вскорѣ за тѣмъ, послышалось въ сторонѣ нѣсколько выстрѣловъ, и Тадеушъ съ нетерпѣніемъ вскинулъ ружье на плечо.

— Пойдемъ домой, сказалъ онъ.

— Пойдемъ.

По дорогѣ они опять разговорились, и Тадеушъ подробно разсказалъ пріятелю свою сердечную исторію. Въ словахъ его выразилось столько печали, такъ замѣтно было, что настоящее тяготило его камнемъ, что Августъ, тронутый, рѣшилъ въ умъ, отвлечь Тадеуша отъ Уляны и пагубнаго для него уединенія.

Тадеушъ освоился съ своимъ положеніемъ и не чувствовалъ его непріятія, тяжести, сраму. Августъ только сталъ открывать ему глаза. Тадеушъ почувствовалъ стыдъ, безпокойство, удвоивающуюся печаль, къ которой былъ уже приготовленъ.

Они вошли на крыльцо дома: Уляна безпокойно выглянула въ окно. На ея глазахъ это былъ первый гость въ Озеркахъ; она не знала, что дѣлать. Она привыкла встрѣчать Тадеуша, не отступать отъ него ни на шагъ, прислуживать ему; теперь же, удержанная стыдомъ, отозвавшимся въ сердце, устала лице въ

окно и глядѣла съ безпокойствомъ. Ей хотѣлось бы бѣжать къ нему, но она не смѣла; и тяжело, ей и безпокойно стало, предчувствіе говорило ей, что этотъ чужой не принесетъ для нея ничего хорошаго.

Тадеушъ увидѣлъ ее, отвернулся и покраснѣлъ. Августъ угадалъ въ этой женщинѣ, глядящей черными, пламенными глазами, любовницу пріятеля. Онъ остановился на порогѣ и уставилъ на нее удивленные глаза, такъ что Уляна покраснѣла, опустила голову и принуждена была отойти отъ окна.

— Въ самомъ дѣлѣ хороша, сказалъ Августъ.

Тадеушъ, входившій въ эту минуту въ двери, не слышалъ его восклицанія. Августъ пробылъ цѣлый день и Уляна не могла показаться; два или три раза подбѣгала она съ дѣтскимъ любопытствомъ къ дверямъ и, подѣ влияніемъ страха, снова убѣгала. Тадеушъ приходилъ къ ней на минутку, она съ нетерпѣніемъ и наивно спрашивала его:

— Когда онъ уѣдетъ?

— Не знаю, отвѣчалъ холодно Тадеушъ.

И когда вышелъ онъ, Уляна слѣдовала за нимъ глазами, душой, желаніемъ, любопытствомъ, страхомъ, и печальная принялась плакать. На сердцѣ ея было грустно и тяжело.

Наступилъ вечеръ; Августъ не уѣхалъ. Въ слезахъ упала Уляна на постель въ своей комнаткѣ, и при свѣтѣ разведеннаго въ каминѣ огня, въ первый разъ провела вечеръ одна въ уединенномъ размышленіи.

А тамъ пріятели болтали такъ весело! И ихъ голоса доходили до слуха бѣдной Уляны, до нея долетали ихъ слова, но голоса эти были не ясны, а слова непонятны: Уляна, не понимая, ихъ пугалась. И предчувствіе ее не обманывало: Августъ уговаривалъ Тадеуша уѣхать изъ дому.

— Послушай, говорилъ онъ ему: — если привязанность твоя устоитъ противъ разсвѣнія, разлуки, новыхъ впечатлѣній, я не скажу ни слова; ты воротись домой къ прежней жизни; это будетъ доказательствомъ, что тебѣ нѣтъ уже другой будущности. Но для чего же не попробовать лекарства, не смыть съ себя пятна? Я ѣду въ Варшаву, не хочешь ли ты взглянуть на нее послѣ столькихъ лѣтъ? Тадеушъ молчалъ; Августъ настаивалъ, но въ этотъ вечеръ ничего не добился. Непрошенный, пробылъ онъ въ Озеркахъ дня два, три, и съ упрямствомъ друга, убѣжденнаго въ спасительности своего совѣта, настаивалъ на выѣздѣ, уговаривалъ, заохочивалъ и просилъ.

Тадеушъ молчалъ все болѣе, все менѣе отговаривался; наконецъ сталъ ссылаться на мелкія затрудненія, которыя Августъ отклонилъ тотчасъ же.

— Ыдемъ, — сказалъ онъ, обнимая его, — ты долженъ вѣхать.

— Но что же будетъ съ Уляной?

— Пусть ждетъ тебя! Оставь ее тутъ хоть самовластной ба-
рыней въ домъ.

— Но ее стануть тутъ преслѣдовать!

— Ты опять бредишь. Ты долженъ вѣхать, говорю тебѣ, ты
долженъ вѣхать со мной.

— Но какъ же я ей скажу это?

— Хочешь, я возьму на себя.

— А! оставь, это не возможно, я не поѣду.

— Ты далъ мнѣ слово и ѣдешь! Только на двѣ недѣли.

Тадеушъ вышелъ и прямо побѣжалъ въ комнатку Уляны. Она
сидѣла у окна и, облокотясь на руку, смотрѣла на сверкающее
озеро. Это былъ взглядъ, который ничего не видитъ, стеклян-
ный, неподвижный, а глаза полны слезъ, которые невольно, не-
замѣтно наворачивались и катились по лицу.

Когда онъ вошелъ, она задрожала, но улыбнулась.

— А что? онъ уѣхалъ! спросила она.

— Нѣтъ,—рѣшительно отвѣтилъ Тадеушъ,—нѣтъ еще, но и я
ѣду съ нимъ.

Она остолбенѣла.

— А я? спросила она, ломая руки и подымая голову.

— Ты остаешься здѣсь; я скоро возвращусь,—бормоталъ Та-
деушъ, подходя къ ней; я оставляю тебя здѣсь барыней въ до-
мъ; прикажу, чтобы всѣ слушались тебя, и скоро, скоро воз-
вращусь! прибавилъ онъ, собравшись съ духомъ.

Уляна закрыла глаза руками, опустила голову и плача отоз-
валась:

— О! какъ хотите! я могу воротиться въ избу!

— Но я этого не хочу. Что же съ тобой! воскликнулъ Та-
деушъ, я возвращусь скоро, черезъ недѣлю!

— Черезъ недѣлю! и это скоро? спросила она.

Тадеушъ страдалъ невыносимо, горячился и не зналъ, какъ
кончить начатый разговоръ. На счастье вошелъ Яковъ, и раздача
приказаній, распоряженій по дому прервали опасный разговоръ.
Уляна отвернулась къ окну и болѣе не тронулась.

На другой день рано, у крыльца стояли запряженные лошади,
а Тадеушъ не могъ вырваться еще изъ объятій почти помѣшан-
ной женщины, которая хотѣла, чтобы онъ взялъ ее съ собой.

— Я здѣсь съ ума сойду,—кричала она,—одна! одна! Меня
здѣсь убьютъ! Я не выдержу!

Напрасно успокоивалъ ее Тадеушъ, общая скоро возвратитъ-
ся. Въ послѣднемъ объятіи, она, словно предчувствуя явную
будущность, схватила его и держала его такъ сильно, что Та-
деушъ на зовъ Августа долженъ былъ почти насильно разор-
вать ея руки и, поцѣловавъ ея заплаканные глаза, убѣжалъ.

Громкій плачъ преслѣдовалъ его. Уляна не смѣла выбѣжать,
боялась посторонняго и людей; она только кинулась къ окну, вы-

ходящему на дворъ, чтобы не потерять изъ виду Тадеуша. Сердце говорило ей, что онъ не воротится такимъ, какимъ уѣзжаетъ.

А онъ? И онъ смотрѣлъ на нее. Въ эту минуту она была ему дороже, чѣмъ когда нибудь; при разлукѣ усиливается и угасающая привязанность, и возобновляется съ новою силою, хоть и не на долго, но опасно. Тадеушъ пасмурный, печальный, сѣлъ съ Августомъ и взглядомъ прощался съ Уляной, а въ душѣ обѣщалъ себѣ воротиться къ ней, скоро, очень скоро, завтра. Не зналъ онъ, что чувство, которое испытывалъ въ эту минуту, придется разбросать по дорогѣ, оставить въ самомъ началѣ ея, разсыпаться по немногу съ уходящими минутами, съ вновь встрѣчающимися впечатлѣніями...

И прежде, чѣмъ наступилъ вечеръ, уже полу-улыбка, давно не виданная, играла на устахъ Тадеуша. Добрый Августъ растягивалъ его живымъ рассказомъ, заставлялъ забыть о домѣ, о себѣ: онъ прибиралъ самыя веселыя исторіи, удивительнѣйшія происшествія и чувствовалъ себя почти счастливымъ, когда увидѣлъ первую расцвѣтшую на устахъ его пріятеля улыбку.

XV.

Уляна осталась одна съ своею страстью, печалью, думами; одна, совершенно одна. Она не имѣла средствъ оторваться отъ нихъ. Люди иного званія излечиваютъ печаль, страданія, отчаяніе, отдаляясь отъ причинъ, которыя породили ихъ, создавая себѣ новую, искусственную жизнь, въ замѣнъ утраченной. Этого не могла сдѣлать Уляна, она осталась одна на мѣстѣ, гдѣ все напоминало ей Тадеуша; безъ занятій, безъ развлеченія, она постоянно глядѣла на себя и свои страданія. Прошла недѣля. Уляна сидѣла у окна, напрасно глядя на дорогу; сидѣла подъ тополями надъ озеромъ, ждала Тадеуша, прислушивалась къ каждому шуму. Сердце ея билось при каждомъ словѣ на дворъ, не разъ ночью вскакивала она и бѣжала смотреть, не пріѣхалъ ли онъ, но его не было. Одна, совершенно одна, она считала длинные дни, пустые, блѣдные, проводимые за пряхой, въ саду, въ грустныхъ однообразныхъ думкахъ. Не разъ уже сожалѣла она о прежней жизни, съ которою разсталась навсегда. Изъ деревни манили ее: свобода, веселость, пѣсни, голоса людей, которые счастливые ее. А эти люди глядѣли на нее, какъ на потерянную; ничто ни связывало ее съ ними, она была имъ чужая: ее приветствовали насмѣшливой улыбкой, пасмурнымъ взглядомъ, ни одинъ не промолвилъ ей словечка, не протянулъ ей руки. Тамъ, на другомъ берегу озера, на жнивь, пѣли жнивцы, мелькая бѣлыми рубашками, и пѣсни ихъ доходили до ушей Уляны, напоминая ей прежнюю свободу. А она сидѣла съ опущенными руками, безъ пѣсни, безъ

занятія , безъ цѣли , каждый день становясь грустнѣе , потому что каждый день напрасно ожидала его возвращенія .

Прошла недѣля, другая: онъ не возвращался, не давалъ даже знать о себѣ. Уляна съ каждымъ днемъ становилась безпокойнѣе и все была одна и одна: никто ее не утѣшилъ, никто не заговорилъ съ нею. Порой она кинетъ прохожему привѣтъ, попроситъ ласковаго слова и встрѣчаетъ только суровый , презрительный взглядъ.

На другой недѣль она вспомнила о своихъ дѣтяхъ и плакала.

— Сироты, думала она,—сироты прежде времени. О! пойти бы посмотреть ихъ, поцѣловать, приголубить.

И думала она идти къ нимъ и боялась , чтобъ Тадеушъ не пріѣхалъ въ эту минуту; хотѣла она его встрѣтить первая, первая поздороваться съ нимъ. Она просила, чтобъ ей принесли дѣтей. Вечеромъ Прыська привела ихъ во дворъ и оставила Улянъ. Дѣти почти не узнали ее, а она? Сердце ея было такъ полно иной привязанности , иныхъ чувствъ , что не тронулось при видѣ дѣтей. Она смотрѣла на нихъ, ломая руки.

— Сироты, думала она,—что я имъ? Развѣ я имъ мать? О! нѣтъ, я смотрю на нихъ, какъ на чужихъ, я не думаю о нихъ, какъ о чужихъ. Не мнѣ ужъ быть имъ матерью!

И она снова плакала, чувствуя, что уже не можетъ ихъ любить, плакала и надъ собой, и надъ ними.

Дѣтей отнесли назадъ, и ни сердцемъ, ни взглядомъ не пошла она за ними; въ ухахъ ея постоянно стучалъ экипажъ, который ждала она , сердце ея билось мыслью о возвращеніи Тадеуша.

А онъ? Онъ не возвращался.

Цѣлые дни , сидя въ своей комнаткѣ — не отводила она глазъ отъ окна на дорогу и часто , оборвавъ нить пряжи , по цѣлымъ часамъ , напряженнымъ взоромъ и ухомъ , ждала желаннаго экипажа. Вечерами сидѣла на берегу озера , сидѣла гдѣ съ нимъ сживала , думала о немъ и поглядывала на дорогу , боясь отойти далеко , чтобъ не потерять изъ глазъ дороги , по которой онъ долженъ былъ возвратиться. Въ воскресенье благовѣстъ къ обѣднѣ призывалъ народъ къ молитвѣ и все спѣшило по дорогѣ въ новыхъ свиткахъ , въ бѣлыхъ платкахъ и накидкахъ, молиться Богу и поклониться Богородицѣ. Уляна не могла идти въ церковь: стыдно ей было людей и страшно, чтобы онъ не пріѣхалъ, когда она будетъ на литургіи. Она садилась, оборачиваясь лицомъ къ церкви, а глаза постоянно обращались на дорогу , и молиться могла она только объ одномъ, чтобы Богъ прислалъ барина, чтобъ ея соколъ прилетѣлъ опять въ опустѣвшее гнѣздо.

На дорогѣ пусто недѣлю, пусто двѣ недѣли, и четыре, и шесть, и восемь , и десять. Столько дней , столько разочарованій ! А

сколько разъ ужъ казалось, что вотъ онъ ѣдетъ, вотъ она узнала лошадей, уже летитъ поздороваться; экипажъ двигается по дороге и погналъ далѣе въ лѣсъ. Это не онъ! Каждый разъ опускаетъ она печально голову, слезы льются изъ черныхъ глазъ ея, и она опять ждетъ, и опять напрасно.

Пришла осень, веселая пора для крестьянина; для нея печальнѣе лѣта. Ее не тѣшитъ избытокъ, потому что все у нея есть; ей все равно, много ли сжали на полъ и какую Богъ далъ жатву: довольно, что его нѣтъ, и нѣтъ, и нѣтъ.

Ужъ съ деревъ спалъ весь листъ и желтый лежитъ подъ деревьями, въ саду торчатъ только сухіе корни и черные пни; сѣверный вѣтеръ гонитъ тучи, и холодно сидѣть надъ озеромъ.

Она все еще тамъ, потому что оттуда видно ей дорогу. Пуста дорога.

Однажды утромъ вошелъ въ комнату панъ Линовскій.

— День добрый, — сказалъ онъ дружески.

Уляна вскочила съ бьющимся сердцемъ.

— Я получилъ извѣстіе отъ барина.

— Скоро воротится? воскликнула она...

Линовскій улыбнулся.

— Онъ именно и пишетъ, что воротится скоро, но воротится съ гостями.

— Съ гостями! прервала она, нахмуривъ брови и прибавила: — А! только бы ужъ воротился!

— Съ родными! добавилъ, улыбаясь, снова панъ Линовскій, — и въ домъ имъ будетъ тѣсно. Баринъ писалъ, чтобы вы перебрались въ господскій домикъ надъ озеромъ.

Уляна смѣрила большими глазами управляющаго, стояла и молчала.

— Хорошо, сказала она потомъ, — сейчасъ иду.

И она, плача, начала собирать свои вещи, такъ что Линовскому даже стало жаль ее.

— Не Торопитесь, сказалъ онъ тихо.

— Только бы баринъ воротился скорѣй, шепнула она и пошла, думая про себя.

— Не напрасно было мое безпокойство. Онъ уже выгналъ меня изъ дому! Люди его сбили! Люди хотятъ насъ разрознить! Но онъ возвратится, а съ нимъ и все!

И утѣшая себя такимъ образомъ, она была не спокойна и плакала. Она пришла къ пустому домику и кинулась къ окну, чтобы увидѣть прежде всего, видна ли изъ него дорога. Ахъ! и дороги не видать! Стѣла она безъ движенія на запыленную скамью, оперлась на руку и просидѣла часъ, два, до вечера. Въ домъ была такая странная пустота! Съ давнихъ поръ никто не жилъ въ немъ, кромѣ кротовъ и мышей; развалившійся каминъ, лопнувшая печь, сломанный столъ, лавки по стѣнѣ составляли всю его обстановку. И никого при Улянѣ, никого даже вблизи!

Приближался вечеръ, становилось холодно; дворовые сжалились и пришли разложить огонь, не большой, холодный, какъ состраданіе постороннихъ. Она ни до чего не дотрогивалась и мысленно повторяла:

— Выгнать!

Цѣлую ночь просидѣла она на скамьѣ. Огонь погасъ, она не подложила дровъ; засвѣтлѣлъ день, она не вставала, она потеряла послѣднія чувства и память, остатокъ надежды.

И какъ волна приходитъ и уходитъ отъ берега, такъ приходила къ сердцу и, разбиваясь, уходила надежда.

Прошла недѣля въ пустомъ домикѣ, и его нѣтъ еще, не возвращается. Уже два раза падалъ бѣлый снѣгъ, два раза берега озера покрывались стеклянными кусками льда: его не было.

Уляна все еще каждый день сидѣла на скамьѣ подъ тополями, глядѣла, глядѣла, плакала и съ каждымъ днемъ надѣялась меньше, съ каждымъ днемъ пугалась сильнѣе.

Уже не разъ возвращеніе Тадеуша казалось Улянѣ страшнымъ; а что, какъ воротится инымъ, воротится и не взглянетъ, оттолкнетъ: вѣдь онъ же выгнать изъ дому!

— Пусть лучше никогда не возвращается, говорила она самой себѣ.

XVI.

Пасмурнымъ осеннимъ утромъ, тащился по берегу озера тяжелый экипажъ. Тихо шли по твердой землѣ измученныя лошади. Уляна сидѣла, смотрѣла, узнала лошадей и протянула руки: на крикъ, который хотѣлъ вырваться изъ ея груди, не достало у нея голоса.

Въ эту минуту открылось окошко экипажа и показалась голова мужчины. Издали, издали, она узнала его, почувствовала. Это былъ онъ!

А за нимъ, облокотясь на его плечо, высунулась другая голова, голова молодой, прекрасной женщины. Опали поднятыя руки, остолбенѣли глаза, еще сильнѣй забилося сердце. Уляна уже не смотрѣла на дорогу, а бѣжала къ дому, бѣжала, отворила двери, закрыла рукой глаза и упала на землю.

А что дѣлалось въ ея душѣ? — То, что будетъ въ послѣдній день дѣлаться съ нашимъ свѣтомъ и чего человекъ не опишетъ.

Между тѣмъ, экипажъ тащился къ дому; съ хлѣбомъ и съ солью встрѣтила дворня барыню, а панъ Тадеушъ вышелъ мрачный, нахмуренный, безпокойный и подалъ женѣ руку. Взоръ его бѣгалъ кругомъ, онъ боялся встрѣтить взоръ Уляны и остановился на окнѣ ея комнаты. Оно было заперто, молчаливо, темно. Онъ вздохнулъ свободнѣй; они вошли.

За первымъ экипажемъ, подкатилъ другой и третій, появилась

толпа гостей, все зашумѣло, повеселѣло, зашевелилось. Дымъ поднялся изъ трубъ, шумъ на дворъ, шумъ въ домъ, вездѣ движеніе.

И панъ Тадеушъ, когда миновала первая минута страха, развеселился, прояснился, сталъ хозяйничать и ожить.

Какъ молода, прекрасна жена Тадеуша! И черные глаза у ней, какъ у Уляны, но не заплаканные, блестящіе, свѣтлые, надъ ними идутъ полукругомъ брови, а подъ ними смѣется вздернутый носикъ; смѣются и маленькія розовыя губки и при нихъ двѣ розовыя ямки, два гнѣздышка смѣха.

И весела она, весело щебечетъ, бѣгаетъ, болтаетъ, заглядываетъ: то хлопаетъ въ ладоши, то потряхиваетъ головкой, то ласкается къ мужу. Она поглядывала во все окна, пробѣжала во все двери, повертывалась въ каждой комнатѣ, поспѣвала каждый уголокъ, и долго, долго смотрѣла на озеро, а съ озера на дорогу и потомъ вздохнула.

О комъ, о чемъ?—можетъ быть, о матери, о родныхъ, о своей сторонѣ, можетъ быть... Никто не знаетъ, о чемъ она вздохнула. А за вздохомъ появилась тотчасъ же улыбка на устахъ, своеволие въ глазахъ, игра словами. И она побѣжала къ окошку.

Тадеушъ подошелъ къ ней, обнялъ ее за талію, водилъ по дому, показывалъ, отдавалъ ключи и говорилъ нѣжности.

Она весело смѣялась, и порой, украдкой, вздыхала; но онъ этого не слышалъ, не видѣлъ.

Такъ прошелъ весь первый день и наступилъ осенній вечеръ, съ заунывнымъ вѣтромъ, съ холоднымъ дождемъ и черными тучами.

Въ домъ было свѣтло, весело, шумно; въ домикъ Уляны было пусто, темно, тихо и печально.

У давно, погасшаго огня, сидѣла Уляна, смотрѣла и ничего не видѣла; она думала, и мысли ея толпились безъ толку, то мрачныя, то блестящія, то кровавыя. Слезъ въ ея глазахъ не было; высохъ родникъ, изъ котораго онъ катился, замерзъ вмѣстѣ съ озеромъ.

Она говорила громко сама съ собой:

— Воротился, женился, выгналъ. Зачѣмъ мнѣ жить! Нѣтъ у меня дѣтей и сердца для дѣтей, нѣтъ у меня никого. Все свои оставили, онъ бросилъ. Ему я не надобна, не надобна и никому; а вынести эту жизнь я не смогу; о! нѣтъ: умереть и покончить все. Хотя по смерти пожалѣеть, можетъ быть, заплачетъ и скажетъ: что я его крѣпко любила, пока достало жизни. У нихъ и память слаба, и любовь не продолжительна. Крестъ на мнѣ. Господи Боже! Отпусти мнѣ.

И шопотомъ произнесла она уже невнятные слова, развязывая красный поясъ, стягивавшій ее свитку.

— Ахъ, еслибъ еще увидѣть его! Хотя одинъ еще разъ по-

говорить съ нимъ, какъ бывало, посидѣть минуту. Нѣтъ, нѣтъ! тяжелѣе было бы умирать, грутнѣе разставаться.

Съ распущенными волосами, съ помѣшаннымъ взглядомъ побѣжала Уляна съ двора, къ окнамъ барскаго дома. Въ окнахъ блистали огни, слышенъ былъ веселый говоръ; на дворѣ гулялъ холодный вѣтеръ, и черная темнота висѣла печально на небѣ. Уляна побѣжала къ окну, устала глаза и смотрѣла.

Въ комнатѣ пылалъ огонь; кругомъ стояли, сидѣли и ходили какіе-то незнакомые господа; лица всѣхъ были такъ оживлены, веселы, румяны, что даже становилось завидно! Въ серединѣ стоялъ Тадеушъ съ женой; онъ держалъ ее за талію, голова ея склонилась къ нему на плечо, и плутовскіе глазки глядѣли на него. Они смѣялись, перешептываясь между собою.

Улянѣ стало прискорбно, бользненно, и она смотрѣла, одна-кожъ, долго, долго не могла оторвать отъ него взора.

Она прощалась съ нимъ навсегда.

Наконецъ быстро отскочивъ отъ окна, бѣдная женщина отбѣжала отъ дому и пустилась къ озеру, сжимая въ рукѣ свой красный поясъ. По тропинкѣ, заваленной сухимъ листомъ, бѣжала она къ берегу, гдѣ стояли тополи и знакомая скамья. Еще разъ оглянувшись она на свѣтящійся огнями домъ, на горѣ, простилась взглядомъ, потомъ схватила за тополи и, обнявъ ихъ, заплакала; красный поясъ дрожалъ въ ея рукѣ. Еще съ минуту простояла она такъ, уставивъ глаза въ окно, изъ котораго видѣла его въ послѣдній разъ; потомъ быстро кинулась къ скамьѣ и закинула поясъ на вѣтку, потомъ, пробуя, выдержать ли онъ, тихо, заботливо приготовляла себѣ смерть, чтобы и она не обманула ее, какъ люди.

Она встала на скамью, и взглянула еще разъ, и еще разъ заплакала, надѣвая петлю на шею.

— А я его такъ любила, я для него бросила все, все ему посвятила; а онъ! а онъ!

Она печально покачала головой.

— Такая любовь такъ и должна была кончиться.

Бѣдная Уляна перекрестилась, обращаясь къ церкви и сотворила въ воздухѣ крестъ, въ сторону, къ дѣтямъ, потомъ еще разъ взглянула на домъ.

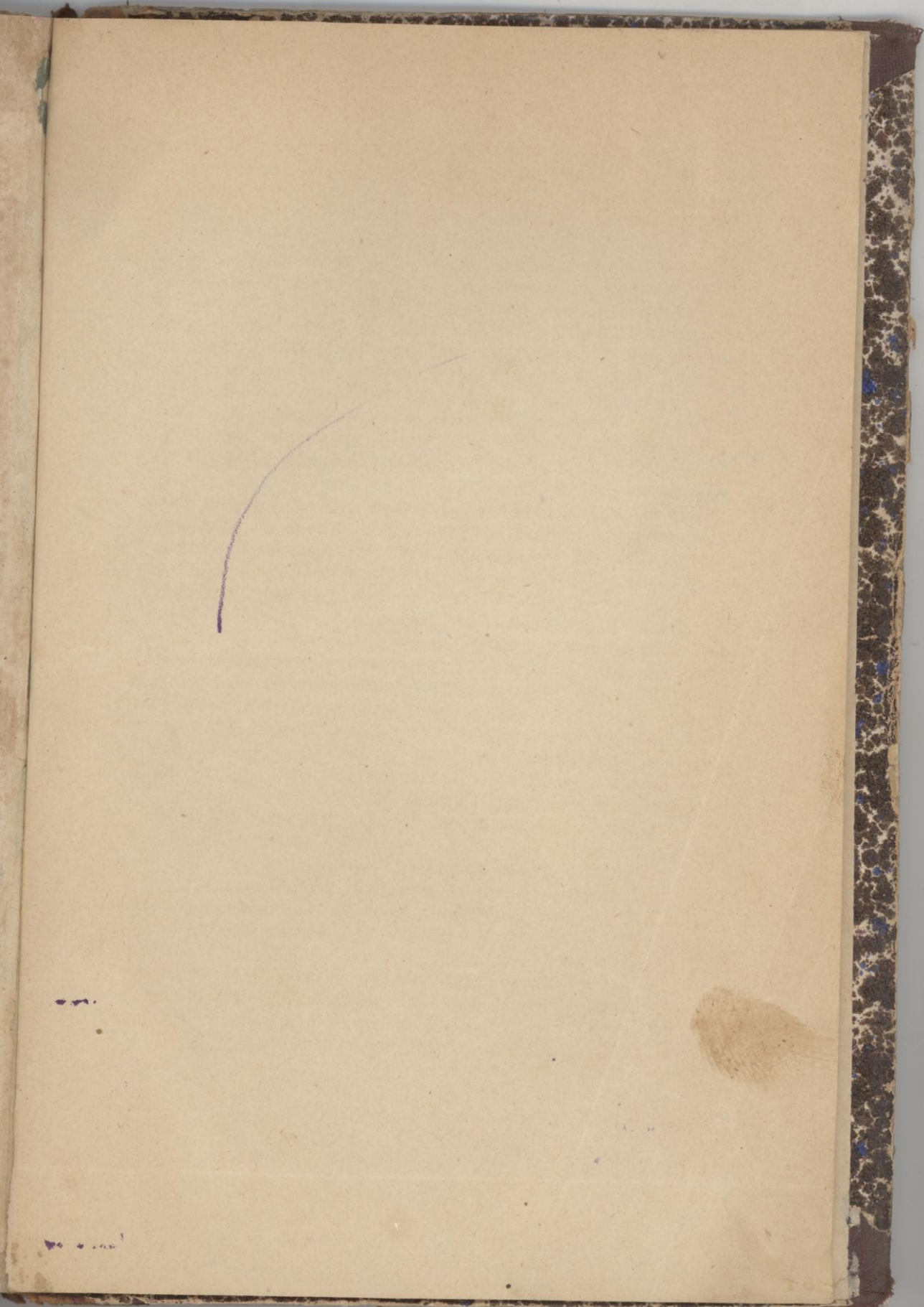
Черезъ минуту вѣтеръ шумѣлъ вѣтвями тополя, а на вѣтви висѣло холодное тѣло Уляны. Двѣ слезы замерзли на ея глазахъ.

Въ барскомъ домѣ шли за здоровье молодыхъ.

КОНЕЦЪ.

W

